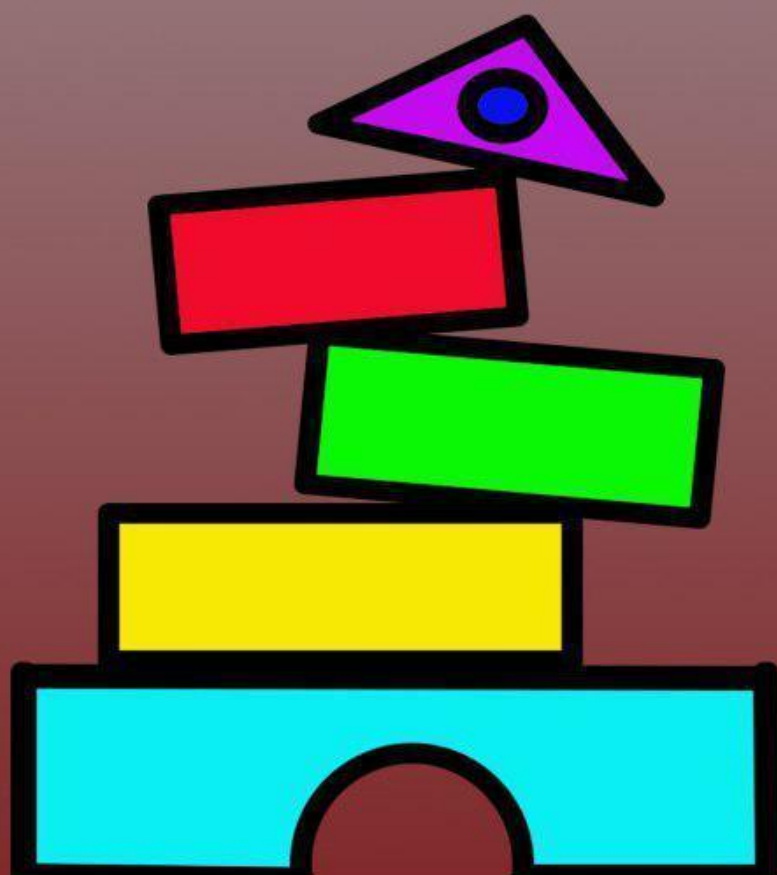

**ДМИТРИЙ
САФОНОВ**

БАШНЯ

Романы-катастрофы

Дмитрий Сафонов

Башня

«Сафонов Дмитрий Геннадьевич»

2005

Сафонов Д. Г.

Башня / Д. Г. Сафонов — «Сафонов Дмитрий Геннадьевич»,
2005 — (Романы-катастрофы)

ISBN 5-8189-0529-2

«Он стоял и, не отрываясь, смотрел на светящееся табло, на котором стремительно менялись цифры. Он шевелил губами, словно беззвучно что-то шептал. "Старческие причуды, — решила Марина. — А может, все писатели такие — немного того". За стеной послышался тихий гул; двери лифта открылись, и сосед снова вздрогнул, как от неожиданного удара. Марина вошла в просторную, ярко освещенную кабину, машинально глянув на себя в зеркало. Она на мгновение увидела отражение Сергея Петровича и испугалась. В глазах старика (он выглядел именно как старик; куда девался тот подтянутый молодежавый мужчина, которым он был еще полгода назад?) ясно читался ужас. Марина повернулась; Сергей Петрович стоял на площадке, понутив голову; он будто не решался войти в кабину...»

ISBN 5-8189-0529-2

© Сафонов Д. Г., 2005

© Сафонов Дмитрий
Геннадьевич, 2005

Дмитрий Сафонов

Башня

– Мама, тебе не кажется, что мы кое-что забыли?

– Что?

Женщина, согнувшаяся под тяжестью огромного пакета, набитого всякой вкусной всячиной, обернулась. В ее голосе звучали растерянность и досада.

Мальчик лет двенадцати, склонив набок вихрастую голову, укоризненно посмотрел на нее.

– "Что"? Что ты обычно забываешь купить?

Женщина улыбнулась. Улыбка очень шла ее миловидному лицу. "Вороньи лапки" тонких морщин разбежались от уголков глаз, стали чуть четче и глубже.

– Валерик... – они были с сыном почти одного роста, но пакет с продуктами почему-то тащила именно она. – Мог бы напомнить и раньше, в магазине. Возвращаться я не собираюсь.

– Ну ма-а-ама-а-а...

– Нет, сынок, попозже. Сначала пообедаем, потом уже мороженое. Ладно?

Мальчик надул губы и наклонил голову. Женщина поспешно отвернулась. Она не любила, когда сын капризничал, причем капризничал в такой явной форме, всем своим видом давая понять, что он сильно – "ты понимаешь, мама? сильно!" – недоволен.

В такие моменты он становился похож на отца, и хотя Марина понимала, что упрямство – не самая плохая черта в мужском характере, но все же... упрямство, доставшееся в наследство от отца – не та вещь, которую она могла бы одобрить.

Тонкие целлофановые ручки пакета больно резали пальцы. Она переложила его в другую руку и двинулась вперед.

Если она сейчас обернется, это будет означать долгую дискуссию, которую все равно придется прервать; какой-нибудь грубой (и наверняка глупой) фразой. "Нет, и все!". Или – что еще хуже – "я сказала – нет!".

Поэтому она просто пошла к дверям дома, прислушиваясь к шагам за спиной. Валерик постоял немного, а потом пошел за ней следом. Марине не нужно было оборачиваться, чтобы понять, какое у него сейчас лицо: взгляд исподлобья и жесткий очерк по-детски пухлых губ.

Сын вырослел – как-то очень быстро. Ей казалось, что Валерик вырастет не по дням, а по часам, и она была вынуждена с горечью признать, что не готова к этому. Ну, может, она была готова это понять. Но не принять.

"Не хватало нам только посориться из-за мороженого", – подумала она.

– Мне кажется, – сказала она – достаточно громко, чтобы Валерик мог ее слышать, – эта новая игра, которую мы купили, куда интереснее и сложнее предыдущих...

Это был правильный ход. Шаги ускорились и переместились из-за спины куда-то влево.

– Ну, не знаю, чего там "классного"...

"Словечко. Я сказала не "классная", а интересная". Но вслух это говорить не стоило – иначе ее часть диалога свелась бы к постоянным замечаниям.

– Обычная "стрелялка", – продолжал сын. – На среднем уровне сложности я пройду ее за два дня. Ну, может, за три. Перестреляю всех монстров и загоню их обратно в преисподнюю.

Марина подавила невольный вздох. Новое поколение выбирало "Пепси". "Три мушкетера" пылились на полке. Она кивнула своим мыслям, но Валерик расценил это по-своему.

– Правда, я не уверен, что наш компьютер ее потянет. Пора уже менять "железо", – интонация сына была выжидательной. Видимо, он хотел развить эту тему. В обмен на временно забытое мороженое.

Марина на мгновение застыла. Покупка нового компьютера в ее планы никак не входила. А детальное развитие этой темы означало еще один спор. Внезапно Марина почувствовала себя беззащитной и беспомощной. И от этого она еще больше разозлилась на упрямство и эгоизм сына. "Впрочем, эгоизм в его возрасте – вещь совершенно нормальная. Но ведь... Его отец так и остался эгоистом. Может, все дело в том, что ОНИ никогда по-настоящему не вырастают? Так и остаются маленькими, требовательными, изнеженными мальчиками?".

ОНИ – так она называла мужчин. Существ, которые думали только о себе, и ни о чем больше.

Марина поднялась на три невысокие ступеньки; чуткий фотоэлемент, уловив приближение человека, услужливо распахнул стеклянные двери.

В вестибюле было тихо и прохладно. Она прошла, приветливо (хотя и не слишком искренне) кивнув охраннику, и направилась к лифтам. Краем глаза она уловила какое-то движение и услышала сиплый одышливый голос.

– Позвольте, я вам помогу?

Марина повернула голову и увидела высокого седого мужчину – одного из немногих жильцов Башни, с кем она была знакома.

"Сергей Петрович", – вспомнила Марина, но фамилию, сколько ни пыталась, вспомнить так и не смогла, хотя ее можно было прочесть на глянцевых обложках детективов, заполонивших прилавки магазинов и уличные лотки.

Рука соседа (Марине показалось, что она сильно дрожит; гораздо сильнее, чем следовало бы) подхватила ручки пакета, и Марина поспешно разжала пальцы. В этом не было ничего похожего на ухаживания ("пожилого... пожалуй, пожилого") мужчины за ("м-м-м... пока еще молодой") женщиной. В этом было что-то другое, но что именно – Марина не понимала.

Она осмотрела Сергея Петровича немного внимательнее. Сегодня он выглядел, как глубокий старик, едва державшийся на ногах. Он дрожал, как от холода, под красными, словно воспаленными, глазами, набрякли огромные мешки, кожа на лице отвисла и собралась в некрасивые складки. Сергей Петрович чересчур поспешно подхватил ее пакет, покачнулся и чуть не упал.

"Может, он пьян? Или с похмелья?". Но нет, алкоголем от него не пахло. В другой руке он держал свой пакет, и в нем ничто не звякало и не булькало. Сквозь полупрозрачный целлофан Марина разглядела острые углы сигаретных пачек, несколько (почему-то несколько) дешевых одноразовых зажигалок, большую бутылку "Кока-колы" и батон хлеба.

"Ежедневный рацион закоренелого холостяка", – с усмешкой и в то же время – с затаенной жалостью – подумала Марина.

– Хорошо, что я вас дождался... – пробормотал Сергей Петрович. Он говорил тихо и неразборчиво, будто человек, разбитый инсультом. – Всем ниже, понимаете... А вы все-таки – выше...

Она не поняла ни слова из того, что он сказал. Марина кивнула, подошла к дверям лифта и нажала кнопку вызова. Ей показалось, что сосед вздрогнул.

Он стоял и, не отрываясь, смотрел на светящееся табло, на котором стремительно менялись цифры. Он шевелил губами, словно беззвучно что-то шептал.

"Старческие причуды, – решила Марина. – А может, все писатели такие – немного того".

За стеной послышался тихий гул; двери лифта открылись, и сосед снова вздрогнул, как от неожиданного удара.

Марина вошла в просторную, ярко освещенную кабину, машинально глянув на себя в зеркало. Она на мгновение увидела отражение Сергея Петровича и испугалась. В глазах старика (он выглядел именно как старик; куда девался тот подтянутый моложавый мужчина, которым он был еще полгода назад?) ясно читался ужас. Марина повернулась; Сергей Петрович стоял на площадке, понутив голову; он будто не решался войти в кабину.

Мимо него боком протиснулся Валерик; Марина со стыдом заметила презрительную усмешку, искривившую губы сына. К счастью, писатель ничего не увидел. Казалось, он был всецело поглощен одной-единственной проблемой: входить в лифт или нет?

– Сергей Петрович... – осторожно позвала Марина.

– А?!

– Вам тридцать пятый?

Он судорожно сглотнул; под сморщенной кожей шеи скакнул кадык. Сергей Петрович сделал над собой усилие и вошел.

– Да. Тридцать пятый...

Валерик нажал две кнопки: "35" и "39". Двери медленно закрывались, и старик вдруг дернулся, словно хотел в последний момент выскочить обратно.

– Что с вами? Вы плохо выглядите...

Лифт начал быстро и совершенно бесшумно подниматься.

– Да, я... – в замкнутом пространстве стал хорошо различим кислый запах, доносившийся изо рта писателя. Но алкоголем не пахло.

Марина деликатно отвернулась.

– Мне кажется, вам надо выспаться. По-моему, вы очень устали.

Сергей Петрович посмотрел на нее расширившимися до предела глазами. Марина буквально ощутила на своем лице холод и липкость его остановившегося взгляда.

– О Боже, – пробормотал он.

Секунды тянулись невыносимо долго. Марине казалось, что это не кончится никогда. "Ну, когда же?" – она подняла глаза на табло, светившееся над головой старика.

Наконец лифт остановился, и Сергей Петрович, поспешно поставив оба пакета на пол, выскочил из кабины. Он, не оглядываясь, спотыкающейся походкой посеменил через огромный холл.

– Сергей Петрович!

Сосед втянул голову в плечи и с опаской оглянулся.

– Вы забыли, – Марина подняла его пакет.

Старик подошел и протянул дрожащую руку. Марина подумала, что он сейчас промахнется; будет долго хватать воздух, но никак не ручки пакета. Но Сергей Петрович собрался и буквально вырвал у нее сумку.

– Спасибо... – буркнул сосед и продолжил свой путь.

– Мам, он что, дурак? – двери лифта еще не успели закрыться, и Марина испугалась, что сосед услышит.

"Впрочем, он, наверное, ничего сейчас не слышит", – успокоила она себя. Но реплика сына требовала правильной реакции.

– Валерик... Почему "дурак"? Он... – "А что он? Как это еще можно назвать? Во всяком случае, он не производит впечатление нормального человека". – Наверное, он просто не выспался... Устал...

– Ну-ну... – скептически изрек Валерик. – Устал...

Лифт тронулся.

"И это тоже – моя Башня, – подумала Марина. – Все это: самое высокое и самое красивое здание в Москве, открывающиеся стеклянные двери, охраняемая территория, вестибюль, выложенный мраморными плитами, скоростные лифты и полубезумный старик, который боится в них ездить один; все это – МОЯ Башня".

* * *

– Пожалуйста, проходите! – молодой человек – по виду почти мальчик – услужливо отодвинул стул, чтобы Марина села.

Она поблагодарила его кивком головы. Рядом сел Владимир. Лицо его было мрачным.

Марина давно заметила, что у него мрачное лицо. Как давно? Ну, наверное, месяц назад. Она пробовала вызвать мужа на откровенный разговор, узнать, что его так гнетет, но ничего не получалось.

Владимир отделялся короткими, ничего не значащими фразами: "Ничего. Тебе показалось", но она знала наверняка, что ей это не кажется.

– Что-то на работе? – спрашивала она, понимая, что других причин просто быть не может.

– Все в порядке, – отвечал он.

Конечно же, ничего не было в порядке. У него отнимали его бизнес, отлаженный и функционирующий, как часы, но Владимир не хотел говорить об этом жене. Считал, что для этого есть веские причины.

Владимир думал, что всего добился своим умом и энергией: "человек, который сделал себя сам" – частенько любил повторять он. Отчасти это было правдой, но только отчасти.

Все истории людей, добившихся крупного успеха, напоминают старый анекдот. Журналист спрашивает у мультимиллионера: "Как вы заработали свое состояние?". Тот отвечает: "Очень просто. Нашел яблоко, помыл, продал. Купил два. Помыл, продал – купил четыре...". "А потом – тонну, грузовик, вагон, да?". "Нет. А потом умерла бабушка в Канаде и оставила мне наследство".

Если покопаться, до всегда найдется какая-нибудь бабушка. Была такая и у Владимира.

Идея была простая, как мычание коровы на лугу – чистить картошку и фасовать ее в вакуумную упаковку. Начинал Владимир один. Сначала это была маленькая линия, работающая на территории бывшей фабрики-кухни.

Он попробовал предложить свою продукцию в магазины, но очень скоро понял, что гораздо выгоднее обслуживать предприятия общепита: те бежали от чистки картошки, как черт от ладана, покупали картофель глубокой заморозки, отдавая почти сорок рублей за килограмм, но благодаря огромным процентам, заложенным в прибыль, неизменно оказывались в плюсе. Они были только рады, что каждое утро на кухню привозили целый полиэтиленовый мешок (или два, или три) чищенной картошки; свежей и к тому же – далеко не по сорок рублей.

И Владимир был доволен – с каждой тонны (на выходе оставалось около семисот килограммов; остальное уходило в очистки) его чистая прибыль составляла сто долларов. Может, это и не слишком много, однако он продавал по двенадцать тонн в день.

Продавая картошку ресторанам и кафе, он экономил на упаковке – огромный полиэтиленовый мешок стоил почти столько же, сколько и маленький пакет.

Дела быстро пошли в гору. Он договорился с двумя крупными фирмами, производящими почву для цветов, и продавал им очистки, решая одновременно две проблемы: избавлялся от отходов и повышал рентабельность производства – зарабатывал на шелухе.

Скоро он почувствовал, что необходимо расширяться. Владимир закупил в Италии автоматизированную линию очистки (вместе с доставкой и монтажом это обошлось примерно в пятьдесят тысяч), и его оборот вырос вдвое. Следующим шагом было заключение договоров с поставщиками.

Пришлось немного раскошелиться: Владимир закупил семенной голландский картофель за свои деньги, но результат превзошел все ожидания. Во-первых, клубни с голландской родословной не были подвержены никаким картофельным болячкам; они были круглые, почти оди-

накового размера и без глазков, что резко сократило очистки; а во-вторых, эта картошка даже на воздухе почти не чернела и не требовала дополнительной химической обработки.

Овощехранилище – это забота аграриев; разместив производство в Москве, Владимир добился мобильности и оперативности; его товар никогда не залеживался. Конечно, если бы он задумал делать крахмал, или сублимированное картофельное пюре, или чипсы, – тогда был бы прямой резон обрабатывать картошку поближе к земле, чтобы выиграть на транспортных расходах; а поскольку он ее только чистил (благодаря использованию новых сортов в очистки уходило не более десяти процентов от исходной массы), то экономия на горючем оказывалась небольшая.

Затем он потихоньку стал чистить не только картошку, но и морковь, лук, свеклу. В продаже появились суповые наборы для "ленивых хозяек" – морковь, луковица и килограмм нарезанного картофеля; достаточно было только разрезать пакет и выбросить все это в бульон.

Словом, Владимир понял, что не ошибся. Его расчет оказался верным. Новое предложение породило спрос. Он удивлялся только одному – почему до сих пор эта простая вещь никому не приходила в голову?

Его планы стали приобретать грандиозный размах. По самым грубым оценкам, Москва потребляла в год восемь миллионов тонн картофеля. Если хотя бы один из этих миллионов продавать в чищеном виде... Это была необъятная перспектива. И в этот момент нашлась та самая бабушка – в лице одного очень крупного бизнесмена, предложившего весьма щедрые инвестиции.

Наследство пришлось кстати: обороты выросли в несколько раз; Владимир сумел охватить три округа Москвы и готовился к завоеванию четвертого, когда от доброй бабули поступило приятельское предложение (пока – приятельское): продать бизнес. За разумную сумму. Инвестированные средства в зачет не шли; они и так оставались новому хозяину, но Владимиру дали понять, что проценты придется вернуть. Не совсем грабительские: он бы выплатил их сполна, если бы ему дали развернуться, но он успел только вложить, а получить ожидаемую прибыль не успел. По всему выходило, что ушлая бабушка умудрилась накопить на грош пятак. Курица научила подруг нести золотые яйца и отправилась в суп.

Однако, взвешивая все "за" и "против", Владимир пришел к выводу, что бизнес все-таки придется продать. Конечно, в активе маячила перспектива заработать на такой нехитрой штуке, как чистка картошки, весьма приличную сумму... Точнее – почти неприлично приличную. А в пассиве – место на респектабельном кладбище и дорогой гроб. И даже если бы его оборудовали кондиционером и кабельным телевидением, гроб все равно остался бы гробом.

Последний месяц он не работал, а словно шел по болоту, не зная, в каком месте его ждет твердая кочка, а в каком – зыбкая трясина. Он перестал доверять даже своему бухгалтеру – подозревал, что тот каждую неделю раскладывает его финансовый пасьянс на столике у любимой бабушки.

В этой ситуации ему ничего не оставалось, как попытаться урвать напоследок хорошенький кусок. Башня подвернулась весьма кстати. На нулевом цикле квадрат будущего жилья стоил даже по московским меркам бешеных денег. Интересно, что будет на выходе?

И хотя ситуация с ценами на жилье в Москве все больше и больше напоминала финансовую пирамиду (потому что всему есть предел; рано или поздно люди поймут, что куда лучше жить за городом, на свежем воздухе, чем ютиться в самом суперсовременном муравейнике; и когда стоимость обыкновенной – пусть даже очень большой и удобной – квартиры вплотную подберется к стоимости загородного особняка, тогда и наступит этот предел), Владимир решил рискнуть.

– Башня будет полностью автономной, – вещал парнишка, раскладывая перед ними альбом с красочными картинками. – Собственная система кондиционирования, свой микроклимат в каждой квартире...

Мысли Владимира витали где-то далеко отсюда; он с трудом заставил себя сосредоточиться на иллюстрациях.

– А что, балконов не предусмотрено? – перебил он парнишку.

Риэлтор чарующе улыбнулся; сначала – Марине, а потом и ему.

– Ну что вы? Какие балконы? А вы разве вышли бы на балкон, скажем, пятидесятого этажа? Нет, в Башне не будет ни балконов, ни окон, ни форточек. Сплошное атермальное пуленепробиваемое стекло – от пола до потолка. До тридцать девятого этажа высота потолков – ровно четыре метра, от сорокового до пятьдесят девятого – четыре метра двадцать сантиметров, и в пентхаузе – пять.

– Есть еще и пентхауз? – полюбопытствовал Владимир.

– Разумеется. Но он пока не продается. Мы будем принимать заявки после завершения строительства.

– Угу... А что мы можем купить сейчас?

– Все – вплоть до тридцать девятого этажа.

– Почему до тридцать девятого?

– Видите ли, – парнишка виновато улыбнулся. – Руководство считает, что многие люди, располагающие свободными финансами, захотят вложить деньги в элитное жилье на нулевом цикле; с тем, чтобы потом перепродал его, получить весьма ощутимую прибыль. Поэтому было принято решение выше тридцать девятого этажа пока ничего не продавать.

– То есть, если я вас правильно понимаю, компания рассчитывает, что у нее хватит денег достроить Башню до конца, не привлекая средств будущих жильцов? А потом продать готовые квартиры подороже? – Владимир с лету ухватил суть.

– Именно так.

– Значит, централизованная система кондиционирования?

– Не только кондиционирования. Электроснабжения, водоснабжения, канализации, и так далее, и так далее. Башня может находиться в полностью автономном режиме до сорока восьми часов.

– Хм... Это интересно, – пробурчал Владимир. "Что они, готовятся на случай ядерной войны?". – Простите мой дилетантский интерес – а она не может рухнуть, как карточный домик?

Брови парнишки укоризненно взметнулись вверх. Вздумай Владимир усомниться в правильности (хотя это еще вопрос – что считать правильным в наше время?) его сексуальной ориентации, он бы не выглядел таким уязвленным.

– Ну что вы? В конструкции башни применены те же решения, что и при строительстве всех подобных объектов. Например – Останкинская или телевышка в Торонто. Конструкция изначально спроектирована гибкой; это значит, что при сильном ветре шпиль может отклоняться до трех метров, но Башня не рухнет...

Владимир дальше не слушал; молча кивал головой.

– Значит, не упадет?

– Ну ведь Останкинская же не рухнула, несмотря на сильный пожар.

– Резонно. Но Останкинскую строила вся страна...

Риэлтор мудро улыбнулся.

– У концерна накоплен достаточный опыт...

– Ну, допустим, – согласился Владимир. Гримаса парнишки говорила, что ни о каких "допустим" не может быть и речи – это действительно так. – И как мы будем попадать на этот тридцать девятый этаж?

– На одном из четырех скоростных лифтов. Смотрите, – парень открыл нужную страницу. – Скорость подъема – четыре метра в секунду. Если сделать больше, то у человека могут возникнуть неприятные ощущения...

– По этажу за секунду?

– Да.

– Значит, сорок секунд я буду только ехать – не считая ожидания? Хм... Утешает одно – что бедолага из пентхауза будет пилить к себе домой целую минуту.

– Обратите внимание на двери между этажами, – продолжал риэлтор. – Они все автоматические и снабжены электронными замками. Вы можете попросту закрыть свой этаж. На каждом этаже – два отдельных крыла, в каждом крыле – по две квартиры. Огромный холл – вы можете сделать там зимний сад...

– Где сосед будет выгуливать своего любимого дога... – закончил Владимир. Ему доставляло удовольствие отпускать шпильки в адрес риэлтора и Башни; настроение было ни к черту.

Но парень не растерялся.

– За всеми этажами будет вестись постоянное наблюдение из центрального пульта. Он расположен здесь, на техническом этаже – между сорок девятым и пятидесятым. В подземном гараже, на всех лестничных переходах, в холлах и лифтах поставят телекамеры, и охрана будет вести круглосуточное наблюдение.

– Значит, в лифте и жену не обнять? – Марина смущенно посмотрела на мужа. – И в зимнем садике на позагораешь в чем мать родила... – продолжал Владимир.

– Ненавязчивое, очень деликатное наблюдение, – мгновенно отреагировал парнишка. – К тому же – в вашем саду будет соседский дог...

– Ах, ну да, я и забыл... – рассмеялся Владимир. Эта простая шутка заставила его немного оттаять. – Ладно, мы берем.

– Что именно?

– Еще не знаем.

– Самая маленькая квартира на этаже – двухкомнатная. Сто десять квадратных метров. Впрочем, внутренние стены не являются несущими, поэтому вы можете сделать и три комнаты, и одну большую студию. Окончательная планировка и отделка – за счет жильца.

– Понятно, – Владимир подвинул альбом ближе. – Выбирай.

Для Марины, выросшей в хрущевке, все квартиры казались одинаково роскошными. Баснословно, умопомрачительно роскошными.

– Может, вот эту трехкомнатную, – неуверенно сказала она.

– Не знаю, тебе там жить...

Владимир мысленно выругался. Он отвел глаза, ожидая, что жена его поправит – "не тебе, а нам", но Марина, казалось, ничего не заметила.

– Или – четырехкомнатную? – мечтательно сказала она.

Владимир взглянул на метраж.

– Конечно, можно. Но тебе придется добираться из спальни до кухни на велосипеде.

– Вы ориентируетесь на какую-то конкретную сумму? – участливо спросил риэлтор.

"Мы ориентируемся на какую-то конкретную дату", – мысленно поправил его Владимир. Деньги на новое оборудование для его расширяющегося предприятия уже были перечислены на подставной счет несуществующей фирмы; со дня на день он ждал подтверждения перевода. "Тогда – Шереметьево-2, и – прощай, Родина! Чисть себе картошку сама!".

При таком раскладе он оставался в крупном выигрыше. Быстро перекидывал деньги из одного банка в другой, оттуда – в третий, заматаив следы, затем снимал их со счета, и – ищите наших за границей!

В этой комбинации, помимо бесспорного торжества справедливости, был только один минус. Жена и сын. Если он сразу возьмет их с собой, это вызовет ненужные подозрения, но если он неожиданно пропадет, словно провалится сквозь землю, то семью, скорее всего, не тронут. Семью оставят в покое – в качестве приманки. В надежде, что он когда-нибудь объявится – выйдет с ними на связь.

И может быть, лет через пять... Или шесть... Когда все утихнет, и расшвырявшая бабушка немного успокоится и ослабит бдительность, тогда он перетащит их к себе. Во Флориду. Или – в Калифорнию. Или – еще куда-нибудь, да мало ли на свете местечек, где можно с толком потратить четыре миллиона?

Владимир утешал себя мыслью, что он **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** так думает. Что он в это верит.

– Мы располагаем достаточной суммой, – не без гордости ответил он парнишке. – Я думаю, – обратился он к Марине, – надо выбирать, учитывая вид из окна. Это будет самое правильное. Куда выходят окна этой трехкомнатной?

– О-о-о! Вы правы, это самый лучший выбор! Пойдемте со мной! – риэлтор вывел их на крыльцо вагончика, стоявшего неподалеку от стройки. В нем и происходил весь разговор. – Посмотрите! Ваши окна будут выходить на север, – он махнул рукой вправо. – И на запад! – показал на Серебряный Бор.

– Отлично! Берем!

* * *

Спустя четыре дня Владимир, как обычно, уехал на работу и не вернулся.

Вечером того же дня, потеряв надежду найти мужа или дозвониться до него по мобильному, Марина подала заявление о розыске в милицию.

Квартира к тому времени уже была оплачена – трехкомнатная на тридцать девятом этаже, общей площадью сто пятьдесят метров.

Потом к ней несколько раз приходили вежливые молодые люди в дорогих костюмах и интересовались, куда мог исчезнуть ее муж. Они не угрожали, не грубили, – они просто интересовались, но Марина не могла ничего ответить. Собственно, она понимала, что даже если бы она знала, то говорить все равно не стоило. Молодые люди тоже это понимали, поэтому больше ее не беспокоили.

Спустя еще неделю она полезла за деньгами в шкаф; в доме всегда была небольшая сумма наличными; по старой советской привычке Марина хранила их на полке в шкафу, под стопками постельного белья. Там она нашла незапечатанный конверт. В конверте была записка, написанная рукой Владимира.

В ней говорилось, что в депозитной ячейке хранятся пятнадцать тысяч долларов; продав старую квартиру (они жили в двухкомнатной на Соколе), она выручит еще шестьдесят или около того. Суммы хватит на ремонт новой квартиры в Башне.

Больше всего ее поразил этот холодный расчет – пятьсот долларов за квадратный метр. Не много, но и не мало. Достаточно.

Тогда она поняла, что мужа больше не увидит.

Сначала Марина хотела расторгнуть контракт с концерном "Север", но оказалось, что по условиям договора это не очень выгодно; гораздо лучше продать уже готовую квартиру. Она подумывала так и поступить, но потом случилось обстоятельство, заставившее ее переменить свое решение.

Как-то летом, вернувшись домой с дачи, она обнаружила входную дверь открытой. Все в квартире было перевернуто вверх дном. Их обокрали, хотя и красть-то было нечего – кроме домашнего кинотеатра, последней покупки Владимира.

Она вспомнила про охраняемую территорию Башни, круглосуточное наблюдение и электронные замки... И решила оставить все, как есть.

Так Марина Волкова стала обладательницей роскошной квартиры, соседкой миллионеров – без гроша за душой.

С момента исчезновения мужа прошло три года – именно столько строили Башню – и боль обиды стала помаленьку утихать. Но все же – окончательно она еще не прошла.

* * *

Сергей Петрович Бекетов вернулся домой и, не выпуская из рук целлофановый пакет, принялся ходить по квартире.

Безусловно, с ним было что-то не так. Это он хорошо понимал. Так же хорошо, как и то, что он **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** плохо выглядит. Очень плохо.

Он ходил кругами, не останавливаясь. Стоило остановиться, и тогда дрожь в руках усиливалась. Она была настолько сильной, что смахивала на пляску святого Витта.

– Выспаться... – бормотал Бекетов. – Черт побери, как ей легко говорить об этом... Как я ей завидую...

Он почти не чувствовал своего тела; все ощущения давным-давно притупились, и измученному мозгу требовался сон. Роскошь, которую он не мог себе позволить.

Бекетов запустил руку в пакет и достал пачку сигарет. Распечатал ее, сорвал фольгу, смял в комок и бросил обратно в пакет, а пачку положил на зеркальную тумбочку перед дверью. Там же оставил зажигалку.

Затем последовала очередь другой пачки. Он повторил свой не слишком-то осмысленный ритуал; с той лишь разницей, что положил сигареты с зажигалкой не в прихожей, а в комнате. Положил, тут же забыл о них и отправился в кухню.

Из кухни он прошествовал в ванную, бросил распечатанную пачку в корзину для грязного белья, уронил куда-то зажигалку...

Он старался не торопиться. По его расчетам, это занятие должно было растянуться как минимум на полчаса.

"Я схожу с ума? Или я уже сошел с ума?". Он знал, что психически больным людям никогда не приходят в голову подобные мысли, и все же... Вдруг он сумасшедший новой формации – прекрасно отдающий себе отчет в том, что безумен?

Он пошарил в пакете и не нашел больше сигаретных пачек. Тогда он достал мягкий душистый батон и долго пытался сообразить, что же с ним делать и куда его девать? В конце концов он сунул батон обратно и вытащил большую холодную бутылку "Кока-колы". Открутил красную крышку и долго пил, проливая коричневую пузырящуюся жидкость на лицо и грудь.

Желудок отяжелел, и Бекетова потянуло в сон. Собственно говоря, его и так постоянно тянуло в сон, но теперь это желание стало просто невыносимым. Бекетов зажал горлышко пальцем, взболтал бутылку и окатил себя газировкой. Но это не помогало. Ничто уже не помогало.

Он чудовищно хотел спать, но продолжал из последних сил бороться с запретным желанием.

Он не заметил, как пакет загадочным образом исчез из его рук.

"Если я ненадолго присяду... Спать не буду, просто присяду. Совсем чуть-чуть, на минутку. Отдохну, не то я грохнусь прямо на пол".

Он посмотрел на свои ноги и ужаснулся. Они дрожали так сильно, что, того гляди, грозили хрустнуть и сломаться.

"Чуть-чуть... Ладно?".

Бекетов с трудом опустился на ковер и понял, что подняться уже не сможет. Сил больше не оставалось.

Он тихо застонал и повалился набок.

* * *

Перед воротами, ведущими на территорию Башни, сидел одноглазый черный кот с порванным ухом.

Вся его поза выражала довольство и уверенность.

Он никуда не спешил – просто сидел и грелся на солнышке, прикрыв от удовольствия единственный глаз; второй зиял высохшей пустотой глазницы.

По проспекту маршала Жукова, плавно притормаживая, ехала серебристая "Ауди". Замигал правый "поворотник", и машина стала поворачивать.

Внезапно кот резко вскочил на все четыре лапы и выгнул спину дугой. Непонятно, что так напугало этого закаленного уличного бойца; казалось, уже ничто не свете не могло его испугать.

Но кот вдруг зашипел и бросился наперерез серебристой "Ауди". Автомобиль остановился.

Девушка, сидевшая на переднем пассажирском сиденье, вцепилась в руку водителя – молодого светловолосого парня лет двадцати.

– Денис, стой!

Юноша поморщился.

– Светик! – укоризненно сказал он. – Ну в чем дело?

– Плохая примета...

– Да перестань. Конечно, эта тварь черного цвета, у него не хватает одного глаза, и какая-то миловидная кошечка в порыве страсти отгрызла ему ухо... Ну и что с того? Поверь, он и так из-за этого сильно переживает.

– Денис, подожди немножко. Пусть кто-нибудь проедет.

– Хм... А если никто не проедет?

– Подождем.

Денис пожал плечами.

– Ну, если ты настаиваешь... – в его кармане заверещал мобильный. Денис взял аппарат и поднес к уху. – Да? Привет, старик! Мы? Уже здесь. Мы почти приехали. Что? Нет, мы тут с девушками рассуждаем, что может означать черный кот, перебежавший дорогу. Мнения разделились. Мне кажется, что у него просто возникли срочные дела, а вот Светик, например...

– Прекрати! – прошипела Света.

– Да... А она считает, что не срочные, а очень срочные. Прямо-таки неотложные. Да... Понял, старик. Ты позвони охране в гараж, пусть покажут, куда поставить машину. Что? Пива? – он замялся и посмотрел на Свету. Потом перевел взгляд на зеркало заднего вида и увидел другую девушку, очень похожую на первую. – Ну ладно, ладно. Как скажешь. Пива – значит пива.

Через толстые прутья высокой ограды они увидели, как человек в голубой униформе подошел к фирменному грузовику "Кока-колы" и сел в кабину.

Денис легонько подтолкнул Свету под локоть и дернул подбородком, указав на грузовик.

– Подойдет? – спросил он. Девушка кивнула.

– Что? Нет, Сева. Я спрашиваю, какой у тебя номер квартиры? А-а-а, понял. Ну, жди. Сейчас поднимемся. Отбой.

Водитель грузовика завел двигатель, и большая ярко раскрашенная машина двинулась с места.

Денис стоял и терпеливо ждал, пока она пересечет кошачий след.

Грузовик поравнялся с ними и неспешно покатил дальше.

– Ну вот и все. Ты довольна? Теперь над ним висит ужасное проклятие, а мы можем ни о чем не беспокоиться. Единственное, что я хотел бы у тебя спросить, милая... У тебя больше нет никаких предрассудков? Лучше скажи сразу, чтобы это не стало неприятным сюрпризом.

Света усмехнулась – немного нервно, как показалось Денису.

– Истомин... Если бы ты знал, ЧТО случилось, когда мне в прошлый раз перебежала дорогу черная кошка...

Денис схватился за сердце.

– Лучше не вспоминай! Боюсь, я этого не переживу!

– То-то же... А что он там говорил про пиво? Мы будем пить пиво?

Света скривилась, давая понять, что считает пенный напиток плебейской забавой.

Денис тронул машину с места.

– Почему бы и нет? В груди горит огонь желанья... Надо его чем-нибудь залить... Не волнуйся, у Севы – богатый бар. Каждый найдет что-нибудь по вкусу.

– Ладно, – смиростивилась Света.

Серебристая "Ауди" въехала на подземную стоянку и опустилась по круговому пандусу на нижний ярус.

Там ребята вышли из машины и направились в магазин, пристроенный к Башне в виде крыла.

Денис купил три стандартных упаковки "Миллер лайтс", и вся троица, обогнув универ-маг, прошествовала в вестибюль здания.

В лифте юноша нажал на кнопку "47", а девушки, обернувшись к зеркалу, стали прихорашиваться.

О досадном и пустяковом происшествии с черным котом никто больше не вспоминал. В самом деле, что с ними могло случиться?

* * *

*ИЗ СТАТЬИ А. МИНСКОГО "УЖАС В НОВОМ ВАВИЛОНЕ",
ОПУБЛИКОВАННОЙ В ГАЗЕТЕ "МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ" 29 ИЮЛЯ
200...*

ГОДА.

Можно ли представить себе всю бездну того кошмара, которая разверзлась жарким летним вечером 26 июля перед жильцами так называемой Башни? Можно ли представить лица людей, которые находились там в эти часы? В состоянии ли мы почувствовать то, что довелось им пережить?

Я думаю, трижды "нет". Нет, нет и нет.

Об этой трагедии еще долго будут спорить, рассказывать и просто говорить. А вот последнего очень бы не хотелось – чтобы о катастрофе такого масштаба просто говорили.

У меня нет никаких сомнений – правительство Москвы приложит все усилия, чтобы подобное никогда не повторилось. Но... Разве это хоть что-нибудь изменит? К сожалению, ничего уже не вернешь.

В конце концов, все можно измерить: в тысячах тонн бетона, в метрах над уровнем моря, в этажах и лестничных пролетах... В миллионах долларов, наконец! Все, кроме одного – человеческой жизни.

По разным оценкам, 26 июля в Башне находилось свыше 150 человек, не считая охраны и обслуживающего персонала. Пока еще рано делать

выводы и подводить неутешительные итоги – этим будет заниматься специально созданная комиссия; одно можно утверждать наверняка – на долю несчастных выпал такой ужас, который не состояниши придумать даже самые изощренные умы голливудских сценаристов...

** * **

*ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ
ИЗ МАТЕРИАЛОВ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ, СОЗДАННОЙ
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РФ ДЛЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ
ТРАГИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ, ПРОИЗОШЕДШИХ В ЖИЛОМ КОМПЛЕКСЕ
"ГНЕЗДО ОРЛА" 26 ИЮЛЯ 200... ГОДА.*

...Даже теперь, по прошествии двух месяцев со дня трагедии, следствие вынуждено признать, что, в силу объективных причин, не располагает достаточной информацией о том, что послужило толчком, пусковым моментом, начиная с которого ситуация приобрела угрожающий и необратимый характер.

Между тем следует отметить, что именно этот аспект выглядит наиболее важным, потому что он может косвенным образом пролить свет на причины случившегося.

С определенной долей достоверности можно утверждать лишь одно – негативная роль человеческого фактора в событиях 26 июля сведена к минимуму, поскольку первые сигналы о неполадках в работе систем жилого комплекса "Гнездо орла" (здесь и далее – "Башни") появились вскоре после того, как на суточное дежурство заступила новая смена. Таким образом, вероятность фатальной ошибки обслуживающего персонала, и, в частности, дежурного управляющего Башни, Николая Петухова, вызванной усталостью или невнимательностью, представляется весьма незначительной, хотя и не может быть полностью исключена...

** * **

В помещении центрального пульта Башни, где размещался главный сервер – электронный мозг и сердце этого совершенного здания – было прохладно и тихо; тишину нарушал только приглушенный гул кондиционера.

Николай Петухов, дежурный управляющий Башни, ослабил узел галстука и потянулся на удобном вращающемся стуле.

Передача смены прошла спокойно: никаких инцидентов и происшествий. На огромный двадцатидевятидюймовый монитор выводилась вся необходимая информация. Петухов запустил программу поиска возможных отклонений от нормы; через пару секунд сервер выдал ответ: "Показания эксплуатационных режимов находятся в пределах допустимых значений".

Это хорошо. Можно ненадолго расслабиться. Сегодня в Башне не так уж и много жильцов: во-первых, несмотря на то, что все квартиры давно уже проданы, не все покупатели успели в них вселиться. Больше половины стоят пустыми. Некоторые покупали квартиры в Башне не для того, чтобы в них жить, а чтобы выгодно перепродать, и это ни для кого не являлось секретом. В некоторых пока не сделали ремонт, и днем там что-то долбили, красили, клеили и прикручивали. Ну, а во-вторых – июль. Лето – пора отпусков. Жильцы – люди с заведомо тугими кошельками – грели животы и спины в укромных уголках – филиалах рая небесного

на Земле. Там, где был мягкий желтый песок, ласковый теплый прибой и где, конечно же, не было тугого удушливого жара, поднимавшегося от плавящегося, как шоколад, асфальта. И последнее обстоятельство – воскресенье. Даже те несчастные, что, как цепями, были прочно прикованы бизнесом или другими интересами к мегаполису, предпочитали проводить уик-энд на дачах и в загородных домах.

Это правильно. Это разумно. Примерно через полчаса Петухов сам убедился в этом.

Он потянулся и подмигнул старшему смены охраны, сидевшему невдалеке от него и просматривавшему изображения, поступающие с камер наблюдения на такой же огромный монитор.

– Ну что? Алексей Геннадьевич... А не стогнать ли нам партеечку?

Алексей Геннадьевич Ковалев, полковник милиции в отставке, человек с забавной и благообразной внешностью – круглый животик и яйцевидная лысина, – лениво улыбнулся в ответ.

– Возможно, Коля, возможно... Только ведь: с тобой играть – все равно, что ребенка бить.

Несмотря на свой не слишком впечатляющий вид Ковалев был профессионалом высшего класса; Дубенскому, Главному управляющему Башни, пришлось пойти на определенные затраты, чтобы заполучить Ковалева на эту работу.

– Алексей Геннадьевич, – Петухов укоризненно улыбнулся, – кажется, вы уже забыли, как в прошлый раз я хорошенько надрал кое-кому задницу. А? Счет по партиям был шесть-четыре, и, если память мне не изменяет, то я даже знаю, в чью пользу.

Ковалев сделал вид, что обиделся, и засопел.

– Полегче на поворотах, парень. Ты только и умеешь, что на зевках играть. Зато я тебя уделал красиво. Позиционно. Превзошел интеллектом по всем статьям. Мои четыре партии нужно занести во все учебники.

Петухов картинно всплеснул руками; это у них было что-то вроде привычного ритуала.

– Какие уж там зевки, Алексей Геннадьевич? Комбинация. В шашках главное – комбинация. А позиционный стиль... Оставьте это Каспарову и сборной России по футболу.

– Комбинация, говоришь? Они давно вышли из моды. Сейчас носят комбидрессы и эти... Как их? – он пощелкал пальцами и посмотрел на свой экран. Все было спокойно.

Ковалев встал, подошел к шкафчику, достал оттуда вешалку и повесил на нее пиджак, тщательно разгладив все складки. Под пиджаком оказалась кобура из пронзительно-яркой желтой кожи. В местах, прилегающих к подмышке, темнели пятна пота.

– Не суть, что сейчас носят. Вам это не поможет.

Петухов подкатился на своем стуле к маленькой тумбочке, стоявшей в углу, достал из нижнего ящика старую картонную доску и шашки.

– Итак?

– Ну, если ты ничего не боишься, – вполголоса, как бы про себя, побряхтел Ковалев. – Расставляй.

Управляющий высыпал из коробки шашки и быстро расставил их на доске. Затем достал старый замусоленный спичечный коробок и вытряхнул из него такие же старые, замусоленные спички. Отсчитал по пять штук и положил по обе стороны доски.

– Пиво? – лукаво поинтересовался он.

– Ну, не на конфеты же с тобой играть, – отозвался Ковалев.

– Окей! – Петухов еще раз посмотрел на свой монитор и – от греха подальше – в который раз запустил программу поиска. Сервер привычно ответил: "Все в порядке". – Я – в угол.

Ковалев, не глядя, сделал ответный ход и проворковал:

– А у вас король назад ходит? В нашем дворе – так нет, но если у вас...

– Ходит, ходит. Еще как ходит.

– Ну – тады "ой"! – последовал следующий быстрый ход; дебюты противника они изучили давным-давно.

– Ого! А мы – вот так!

– Ох ты, Господи прости... Стали титечки расти! – шашечный матч начался, и в этом не было ничего необычного: одни и те же шутки, одни и те же ходы и даже – одни и те же трюки. Петухов знал, что примерно через пять минут Ковалев громко воскликнет: "Смотри-ка!" и ткнет пальцем в экран. Тогда он обернется, а в это время бывший полковник ловко уберет одну из его шашек с доски. И они оба будут смеяться.

Но только не сегодня.

* * *

Дежурство обещало быть тихим и спокойным. За последние полчаса никто не проехал на стоянку и никто не выехал.

Оба охранника, дежурившие в подземном гараже Башни, сидели в маленькой белой будочке из пластиковых щитов, стоявшей на въезде.

Стрелки часов, разомлевшие от жары, лениво ползли по кругу. Впереди еще двадцать три полных оборота – потом заступит новая смена. Но эти двадцать три оборота надо как-то прожить. Чем-то их занять.

Гараж размещался на двух подземных ярусах – бескрайних, как футбольное поле. Каждый охранник отвечал за свой ярус; тому, что постарше, Валентину Рожкову, достался верхний, ну, а за нижним следил молодой – Игорь Бирюков.

Им обоим нравилась эта работа – неспешная, относительно спокойная и хорошо оплачиваемая. За такую работу стоило держаться. Единственный минус – это пристальное внимание со стороны Главного управляющего, Дубенского.

Дубенский совал нос во все дела и контролировал все, что происходило в Башне. Ему ничего не стоило появиться в гараже среди ночи и потребовать журнал дежурств: проверить, исправно ли выполняются его указания – совершать обход территории каждый час и после этого делать запись в журнале.

"Лучше бы он жене уделял столько внимания, сколько этой Башне", – ворчал обычно Рожков; Бирюков был пока холостым, поэтому считалось, что Валентин лучше разбирается в тонкостях семейной жизни. Однако, приходилось признать, что Дубенский не требовал ничего сверхъестественного – только неукоснительного соблюдения заведенного им порядка. Он следил за внешним видом всех охранников, проверял, отглажены ли у них брюки и начищены ли ботинки; Бирюков думал, что он сильно смахивает на директора в его школе – такой же строгий, но... если уж быть честным, справедливый.

"Дело в том, – отвечал Игорь напарнику, – что он женат на Башне, а семья – так, для отвода глаз".

"Ага, – ухмылялся Рожков. – А мы, получается – их внебрачные дети".

Бирюков не совсем понимал, в чем здесь смысл, но с готовностью смеялся.

– Пойду-ка я, проверю свои владения, – сказал Бирюков. – Воскресенье – не ровен час, примчится Главный.

– Ну да, от него всего можно ожидать, – согласился Рожков. – Заодно посмотри, что творится наверху, а я покараулю на воротах.

Бирюков усмехнулся: обычный трюк Валентина; он делал вид, что оставляет за собой самую главную и сложную часть работы – открывать шлагбаум, ну а ты, мол, посмотри, как там, на верхнем ярусе... Все равно ведь – по пути.

Вниз можно было попасть на лифте, можно было спуститься по служебной лестнице, а можно было пройти по наклонному пандусу, изгибавшемуся в виде петли.

– Ладно... Посмотрю.

Бирюков поправил ремень с висевшей на нем дубинкой и электрошокером. Рация – портативная "Моторола" – лежала в нагрудном кармане рубашки.

Еще один плюс работы в Башне – форму охранникам сшили на заказ, по два комплекта каждому. Игорь думал, что вряд ли он когда-нибудь смог носить одежду, сшитую на заказ, если бы не попал сюда. Дешевые вещевые рынки да какой-нибудь не очень дорогой магазин – вот предел его мечтаний. А форму... На заказ... В такой не стыдно было ходить по улицам: она совсем не напоминала рабочую спецовку – и ткань другая, и фасон интересный, и строчка ровная, как по линейке.

Он поправил складку на брюках и вышел из будки.

Верхний ярус был пуст. Нет, машины кое-где стояли: "Мерседесы", "Ягуары", "Тойоты", "Вольво" и так далее. Но людей не было. Ну и ладно.

Он не торопясь обошел верхний ярус и стал спускаться по пандусу. Внизу было все то же самое – парад дорогих иномарок.

Они стояли – каждая в своем отсеке, размеченном белой масляной краской – и переливались хромированными решетками радиаторов в приглушенном свете люминесцентных ламп.

У Игоря была своя система измерения расстояния. Он считал не шаги и метры, а миллионы долларов. Каждые десять шагов – это примерно один миллион. Столько стоили машины по обе стороны от центрального прохода.

Правда, там, чуть-чуть в глубине, примерно в трех с половиной миллионах от въезда на нижний ярус, в отсеке номер сто сорок два скромно притулилась вишневая "десятка". Она была единственной российской машиной в Башне, и потому не могла не привлекать внимания охранников.

Бирюков хорошо знал ее хозяйку – невысокую женщину средних лет. Про таких французы говорят: "Некрасива, но чертовски мила".

Женщина жила одна. Точнее, с сыном. Но Бирюков никогда не видел ее с мужчиной. Впрочем, он не особенно-то и удивлялся. Во-первых, если бы у женщины был муж, то он наверняка купил бы ей что-нибудь поприличнее. А во-вторых...

За те полгода, что стояла Башня, Игорь успел убедиться, что большие дружные семьи здесь – скорее исключение, нежели правило.

Квартира в Башне означала определенный (а именно – очень высокий) уровень материального достатка, но, видимо, это было как-то связано с неустроенностью в личной жизни.

"Бог дает всем поровну", – философски изрекал Рожков, ютившийся в двухкомнатной "хрущевке" с женой, тещей и двумя детьми.

Игорь, конечно, с ним соглашался... Но в глубине души надеялся, что его личный кредит у Господа окажется не столь ограниченным.

Он прошел вперед, по привычке выглядывая вишневую "десятку". Он каждый раз подмигивал ей, как старой доброй знакомой.

Игорь миновал три миллиона долларов и, немного не доходя до "десятки", почувствовал смутную тревогу. Было что-то такое, что заставило его насторожиться.

В первый момент он даже не понял, что именно, а когда подошел вплотную, то увидел, как над бетонным полом поднимается легкая белая пыльца. Поднимается, словно чье-то овещенное дыхание, дрожит невысоко над полом, а потом снова медленно оседает.

Бирюков присмотрелся повнимательнее. В полу тянулась узкая извилистая трещина. Она начиналась примерно в полуметре от капота "десятки" и скрывалась под машиной.

Игорь опустил на колени. Мысли о тихом и спокойном дежурстве исчезли, словно испарились. Конечно, эта трещина была не такая уж и большая, но...

Проблема заключалась в том, что ее вовсе не должно было быть.

Бирюков прикинул; в нее можно было вставить спичку. Одну спичку, но не более. Наверное, это не так уж и страшно. Ведь бетон может иногда давать трещины, как это, например, когда-то случилось в метрому "Воробьевы горы".

Но сейчас метрому волновал его меньше всего.

Игорь пошарил по карманам и выудил оттуда пятирублевую монету. Наверное, монета в Башне смотрелась не меньшей редкостью, чем вишневая "десятка" – здесь мелочь не считали. Она могла оказаться в кармане только у охранника, да еще, может быть, у хозяйки этой "десятки".

Бирюков попытался прочертить в полу небольшую поперечную зарубку, чтобы отметить конец трещины. Конечно, Дубенский потребует вести наблюдение; смотреть – не увеличилась ли, не стала ли больше – хотя бы на сантиметр.

Наконец ему удалось сделать маленькую зарубку; Игорь осмотрел монету и увидел, что ее ребро немного стерлось. Не удивительно – ведь Башню строили на совесть, и бетон заливали самый лучший. Самый прочный.

От этого трещина показалась ему еще более пугающей. Бирюков резко поднялся на ноги и отошел от машины на два шага.

Он помедлил всего мгновение, прикидывая, стоит ли сообщить обо всем по рации прямо сейчас или все-таки подняться в будку и связаться с центральным пультом по внутренней телефонной связи.

"Наверное, Ковалев не одобрит, если я выйду в эфир. Рации настроены на единую волну – мои слова услышат все восемнадцать охранников смены. Скажет – незачем поднимать панику".

Он немного успокоился и решил не паниковать.

"В конце концов, она никуда не денется. И за то время, что я буду ходить, она вряд ли станет больше...".

Он хотел дать себе небольшую отсрочку. Если сообщить прямо сейчас, то дежурный управляющий свяжется с хозяйкой машины – женщиной из сто сорок второй квартиры, – попросит ее отогнать "десятку" на свободное место, вызовет бригаду рабочих...

Воскресная смена не оправдывала его надежд.

"И все из-за какой-то ерунды! Да, наверное, не стоит так уж...".

Словно в ответ на его мысли, из тонкой черной змейки вырвалась белая бетонная пыль – словно узкое блестящее лезвие.

В следующий момент раздался громкий треск, и Бирюков увидел, как черта на полу раздвигается, будто рана, и ее острый конец прыгает прямо к его ногам.

Бирюков потянул из кармана рубашки рацию. Сомнений больше не было – трещина действительно была очень опасной.

Впечатление было такое, словно сбывались слова Рожкова – "когда-нибудь эта "десятка" провалится от стыда сквозь землю". Но раньше эта шутка казалась забавной, потому что была просто шуткой, а сейчас...

Он попятился назад, пытаясь одновременно нащупать кнопку вызова.

Вдруг вишневая машина истошно завывала сиреной сигнализации; но только этот вой звучал... обреченно. Она словно чувствовала, что произойдет дальше.

Будто в замедленном кино Игорь увидел, как во все стороны от основной трещины (теперь она уже не была такой узкой – в нее спокойно можно было вставить палец, хотя Бирюков ни за что на свете не стал бы этого делать) поползли другие, помельче. Они расширялись и росли прямо на глазах. "Десятка" покачнулась на амортизаторах и мигнула светом фар. Затем раздался оглушительный хруст, и в лицо охраннику ударила плотная волна горячего воздуха, смешанная с какой-то тягучей и отвратительной вонью.

Игорь почувствовал, как пол (в прямом смысле этого слова) уходит у него из-под ног. Бетонный массив обрушился; "десятка", потеряв опору сразу под всеми четырьмя колесами, на секунду застыла, а потом отвесно рухнула в провал.

Бирюков в последний момент успел раскинуть руки – это его и спасло, иначе он полетел бы следом. Или чуть раньше – что еще хуже, – а машина свалилась бы на него сверху.

Рация, которую он держал в левой руке, перевернулась в воздухе, и, дважды ударившись об край ямы, упала на крышу машины, отскочила от нее и исчезла в черной пустоте.

Бирюков подумал, что со стороны он, должно быть, напоминает человека, провалившегося в полынью. На поверхности торчали только голова и руки. Он попытался за что-нибудь уцепиться, чтобы подтянуться и вылезти наружу. Но пальцы скользили по шероховатому бетону, как по гладкому стеклу. Руки начинали слабеть.

– Э-э-э-й! Кто-нибудь! Помогите! Помогите!

Прямо перед ним зиял огромный провал; спина чувствовала острые края треснувшего пола. Если бы он упал по-другому, лицом к гаражу, а спиной к яме...

"Если бы...". Сейчас не стоило тратить время на всякие "если". Это никак не могло помочь. Игорь ощущал, как бетон под его спиной начинает медленно крошиться – так легко и податливо, словно это была обыкновенная земля.

Он попытался угадать, услышит ли его крики Валентин. Конечно, надеяться на это не приходилось – их разделял целый ярус подземного гаража.

"Но... Он же может увидеть меня на мониторе". Игорь осторожно скосил глаза в сторону; камера, укрепленная на ближайшем столбе опоры, медленно поворачивалась. На несколько секунд он появится в поле ее зрения. Первым отчаянным желанием было помахать рукой... Или сделать что-нибудь еще... Хотя Бирюков понимал, что, стоит Рожкову только бросить взгляд на экран, и он сразу все поймет. "Ну, не слепой же он? Как можно не заметить ТАКОЙ дыры в полу?". Впрочем, и эта надежда была слабой – зачем лишний раз паяться на монитор, когда там – твой напарник? Ведь человек лучше любой камеры, а мысль о том, что пол может неожиданно провалиться, до этой минуты и самому Бирюкову не приходила в голову.

Как это могло случиться? КАК, позвольте полюбопытствовать?

Он осторожно поджал под себя ноги и нащупал какой-то выступ. "Если медленно... очень аккуратно перенести на него тяжесть тела, то можно будет потихоньку перевернуться".

Это был шанс и, наверное, неплохой. Во всяком случае, это лучше, чем просто висеть над черной дырой, раскинув руки, и ждать помощи неизвестно откуда.

Игорь еще раз ощупал торчавший выступ каблуком. Он напряг плечи и, осторожно помогая себе ногой, попробовал подтянуться. В какой-то момент ему показалось, что уже все. Он почти вылез. Сейчас он только отожмется на руках и сядет на край ямы.

Яма вдруг ожила. В ней словно сидело какое-то кошмарное чудовище, которое никак не хотело отпускать свою добычу. Пол задрожал, и эта дрожь передалась всему телу Игоря. Он хорошо ощущал ее и понимал, что она означает.

Бирюков закричал – отчаянно, из последних сил, срывая голос. Его крик потонул в оглушительном грохоте, и пугающее дно жадного жерла стремительно понеслось прямо на него.

Он упал на капот "десятки" и почувствовал, как мягко сработали амортизаторы, приняв на себя груз его восьмидесяти килограммов. Игорь не удержался – присел и коснулся капота руками, но постарался тут же распрямиться и встать на ноги.

Нога в черном начищенном ботинке, слегка припорошенном бетонной пылью, поскользнулась и сорвалась. Бирюков замахал руками, пытаясь удержать равновесие, но почувствовал, что сползает все ближе и ближе к стене ямы. В следующую секунду от ее края оторвалась огромная глыба и, пролетев три метра, с размаху припечатала тело охранника к машине. В груди, придавленной неимоверной тяжестью, что-то хрустнуло, и Бирюкову показалось, что кто-то в одно мгновение заменил весь воздух в его легких на обжигающий кипяток. Последнее,

что он успел увидеть – это поток вязкой крови, хлынувшей изо рта. На вишневой краске кровь смотрелась почти не страшно. Он ощутил соленый вкус, заполнивший рот, и умер.

* * *

– Ну вот и все, Алексей Геннадьевич. Комбинация... – Петухов потянулся за спичкой, которую уже по праву считал своей.

Старший смены охраны легонько шлепнул его по руке.

– Цыц! Я еще не сказал своего последнего слова.

Петухов отдернул руку и лукаво улыбнулся.

– И в чем же оно заключается? Я сейчас поддам вам шашку – вот сюда – а потом беспрепятственно пройду в дамки. Ну, мон колонель?

Ковалев напряженно сопел в ответ. На белой рубашке, под мышками, проступили влажные пятна пота. Партия действительно была проиграна. Он оценил свои шансы на ничью и нашел их ничтожными. Но все равно сдаваться он не собирался.

– Не гони, Коля! Ты имеешь дело с человеком, который однажды обыграл самого Карпова... В нарды.

– Это меняет дело. Простите, полковник, я не знал, – и Петухов снова занес руку над спичкой, лежавшей перед Ковалевым.

– Ну подожди. А если я...

– Ага, жертва двух шашек, и туманная перспектива занять главную диагональ. Я это видел, но... Это бесполезно. Примерно как расческа в вашем шкафчике.

Ковалев не смог сдержать улыбки. Этот злыдень Петухов однажды преподнес ему подарок. Маленькую продолговатую коробочку в красивой праздничной упаковке. Все, как положено – с алым бантом и вложенной открыткой. В коробочке оказалась расческа: вещь, которой Ковалев прекратил пользоваться уже шестнадцать лет назад – по причине абсолютной гладкости головы. И все бы ничего, но в следующий раз Петухов грозился подарить ему бигуди.

Расческу он оставил – на память – и действительно хранил в своем шкафчике.

– Хорошо! Хорошо... Вот тебе мое последнее слово... – он помедлил, наслаждаясь театральным эффектом. – Сдаюсь.

– А! – Петухов громко хлопнул себя по колену и энергично потер ладони. – Так и должно быть, полковник! Я...

Он не договорил. Откуда-то сверху, прямо над их головами, послышалось негромкое нарастающее гудение – словно с потолка пикировал маленький бомбардировщик. Ковалев поднял глаза: один из люминесцентных светильников разгорался все сильнее и сильнее, будто кто-то поворачивал ручку невидимого реостата. Ковалев приставил ко лбу ладонь, как козырек, чтобы закрыться от слепящего молочного света, и в следующую секунду тонкая трубка лопнула, окатив игроков мелкими стеклянными брызгами.

Несколько горячих осколков впились в гладкую голову полковника; по лысине побежали тонкие струйки крови.

Ковалев выругался и вскочил, опрокинув доску; шашки упали и рассыпались по полу.

Петухов пригнулся и закрыл лицо руками. Как раз вовремя: по всему помещению, от ближней стены до дальней, прокатилась волна разрушения. Лампы вспыхивали, как дуга электросварки, и тут же лопались, наполняя комнату белым едким дымом и мелодичным звоном падающего стекла.

Эти вспышки были тугими и плотными; они били по глазам, обжигая сетчатку и лишая способности ориентироваться.

Сквозь треск разрывов и звон стекла Петухов слышал громкий повторяющийся сигнал – компьютер сообщал об аварийной ситуации. Он перевел взгляд на сервер, стоявший, как

большой двухкамерный холодильник, в углу центрального пульта; управляющему показалось, что он видит струйки сизого дыма, поднимающиеся над белым пластиковым ящиком.

Он хотел уже броситься вперед, к серверу, когда в двух шагах от него из стены вырвался фонтан яркого оранжевого пламени – трескучий и искрящийся, как бенгальский огонь. Фонтан выплюнул кусочки стены и быстро двинулся в угол. Это напоминало гигантский бикфордов шнур, горящий где-то внутри; он оставлял позади себя в бетоне узкую обугленную траншею с четкими и ровными краями.

Сноп огня неотвратимо приближался к серверу, и, казалось, сигнал об опасности звучал все громче; сервер словно чувствовал свою скорую гибель.

Петухов услышал, как Ковалев прокричал ему на ухо: "Ложись!", но по-прежнему стоял, не в силах отвести глаз от пугающей и одновременно – завораживающей – картины. Полковник схватил его за плечи и повалил на пол, придавив тяжестью своего тела.

В следующее мгновение раздался оглушительный короткий хлопок, и помещение центрального пульта в последний раз озарилось ярким сиянием. Куски электронных плат, компьютерная начинка и расплавленные капли пластика полетели во все стороны.

Одна крупная пузырящаяся капля попала управляющему на тыльную сторону правой ладони, и он закричал – громко и протяжно. Резким движением он вырвался из объятий Ковалева и затряс рукой, пытаясь смахнуть раскаленную каплю, но было уже поздно – в свете догорающего сервера он видел, как кожа на месте ожога почернела и завернулась неопрятными грязными лохмотьями.

– Тихо, Коля! – снова заорал на него полковник.

Комната центрального пульта размещалась в самом центре технического этажа; в ней не было окон, только дверь, ведущая в коридор. Сервер, шипя, догорал в углу, озаряя последними отблесками пламени задымленное помещение; изо всех углов выползала тяжелая, непроглядная темнота.

– Коля! Замолчи! Успокойся! – Ковалев поднялся на ноги и встряхнул управляющего.

Вместо ответа Петухов показал ему обожженную руку; в глазах его была такая обида и боль, что полковник смягчился.

– Ладно. До свадьбы заживет, – машинально бросил он и огляделся, пытаясь сориентироваться.

Прямо на него, как два мутных бельма, смотрели остывающие экраны мониторов. Он подошел к своему столу и взял трубку телефона. Серый пластик раскрошился в пальцах, как нагретая в кармане конфета, и Ковалев с криком отдернул руку, подумав про себя: "Один-один. Сегодня мы ведем счет не партиям, а увечьям. А именно – обожженным рукам".

Он посмотрел на развалившийся телефонный аппарат.

– Рация. Где-то здесь должна быть моя рация, и если я хочу ее найти, то надо действовать побыстрее.

Но темнота была уже настолько плотной, что Ковалев, как ни приглядывался, так и не смог найти свою "Моторолу".

– Да и черт с ней! Надо выбираться отсюда.

В оружейной комнате стоял резервный сервер. Дубенский, видимо, под впечатлением фильма "Крепкий орешек", настоял на том, чтобы дублирующую систему управления Башней разместили в защищенном помещении. Программисты и управляющие морщили носы, но Ковалев считал, что это разумно. По крайней мере, сегодня это точно выглядело разумным.

– Пойдем! Переходим на резервный пульт, – Ковалев направился к двери, на ходу доставая магнитную карточку со своим личным кодом – она служила ключом ко всем электронным замкам Башни.

Но, еще не успев дойти до двери, он понял, что сейчас карточка мало чем ему поможет. Дверь была заблокирована, и огонек, возвещавший о рабочем состоянии замка, не горел. На

всякий случай Ковалев нащупал узкую щель считывающего устройства и сунул в нее карточку. Бесполезно.

За спиной послышались шаги и хруст стекла.

– Ну, что там? – Петухов говорил, словно хныкал. "Наверное, он выглядит сейчас, как обиженный мальчик".

– Мы заперты, Коля, – спокойно ответил Ковалев. – Мы заперты, понимаешь? – запоздалая адреналиновая реакция – на испуг и боль – давала себя знать, проявляясь в виде гнева, готового выплеснуться на ни в чем не повинного управляющего. – Попробуй открыть эту проклятую дверь, а я пока поищу рацию.

Полковник вернулся к своему столу и принялся осторожно водить ногой по полу, пытаясь нащупать рацию. Едкий дым от сгоревшего пластика щекотал ноздри и глотку, заставляя его натужно кашлять. Он еще не до конца сознавал, что произошло, но тревога и нарастающее беспокойство постепенно овладевали им, грозя перейти в панику.

Внезапно на полу – совсем в другой стороне, чем он думал – зажегся зеленый огонек, и встревоженный голос произнес:

– Центральный! Первый пост, прием!

Ковалев круто развернулся и ринулся к рации.

* * *

– Сергей! Что это было? – один из охранников, дежуривших в вестибюле, повернулся к напарнику.

Тот лениво потянулся и отложил газету в сторону.

Первый охранник, Антон, встал из-за стойки и подошел к огромным стеклянным дверям.

– Мне показалось, что сработали замки...

Он прошел под фотоэлементом, но никакой реакции не последовало. Двери не открылись. Антон толкнул стеклянную створку плечом, зная, что это бесполезно; двери нельзя было вышибить и машиной.

– Это как понимать?

– Не знаю.

– Позвони-ка шефу, скажи, пусть не балуются.

– Ага...

Второй охранник снял трубку внутреннего телефона и несколько секунд сидел, уставившись в пустоту.

– Ну? – не выдержал Антон.

Сергей пожал плечами и постучал пальцем по рычагам аппарата.

– Молчит.

– То есть?

– Нет гудков.

Антон недоверчиво покосился на напарника, затем подошел к стойке. Он взял трубку из рук приятеля, подул в мембрану, словно это могло что-то изменить, и громко сказал:

– Центральный! Центральный! Я – первый пост! – но результат был тем же. – Только этого не хватало! Возьми рацию... – он не успел договорить.

Раздался нежный мелодичный звонок, и потом – характерный тихий звук открывающихся дверей.

Из лифта вышла дама, на вид – лет пятидесяти, в круглой соломенной шляпе, с тульей, перевитой лентами. На руках у дамы сидела маленькая лохматая собачка с бантиком между ушами – йоркширский терьер.

Дама прошла мимо них, не удостоив охранников взглядом.

Сергей, будто замороженный, смотрел, как она вышагивает по ровным блестящим мраморным плитам, покрывавшим пол вестибюля.

Дама с собачкой уверенно шла прямо на дверь. В какой-то момент Сергей понял, что она вообще не смотрит по сторонам; она просто идет, не глядя. "Как у нее хватает сил на то, чтобы нажимать кнопку в лифте?". Антон перехватил его озабоченный взгляд.

Дама прошла под фотоэлементом, и Антон бросился за ней.

Еще немного, и она бы точно протаранила огромное прозрачное стекло двери. Впрочем, исход этой попытки заранее был ясен обоим охранникам.

– Прошу прощения! – Антон подбежал к ней и сделал движение, словно хочет остановить ее, взяв за плечо.

Дама надменно задрала подбородок и слегка повернула голову в его сторону, но до конца так и не обернулась. Хорошо, что хоть остановилась.

– Двери закрыты. Видимо, что-то с замками, – извиняющимся тоном начал Антон, но дама его перебила.

– Что значит закрыты? Нам с Джози надо выйти на улицу.

– Я очень сожалею, но... Сейчас, с минуты на минуту все выяснится.

Она развернулась к нему всем корпусом; Антон услышал, как звякнули браслеты на ее красных сморщенных запястьях.

– Откройте мне дверь! Немедленно!

– Это от нас не зависит. Мы... – пробовал объяснить Антон.

Глаза у дамы сверкнули, как острия булавок.

– А от кого же это зависит? Нам надо выйти на улицу. Или вы немедленно откроете дверь, или вас ждут большие неприятности.

– Прошу вас, подождите немножко...

– Не надо мне указывать, что делать! Я это знаю гораздо лучше вас, молодой человек, можете мне поверить! – казалось, еще немного, и она сорвется на крик.

– Извините, я вовсе не хотел вам указывать. Я просто хочу сказать, что двери сейчас закрыты... По какой-то неизвестной причине. Надеюсь, это скоро выяснится...

– Вы что, хотите сказать, что я должна сидеть здесь и ждать, пока вы соизволите открыть двери? Вы это хотите сказать?

Антон перевел дыхание. "Дать бы тебе разок в лоб, может, научилась бы слушать ушами, как это делают все нормальные люди".

– Я прошу вас понять. Некоторая техническая заминка, но я не сомневаюсь...

– А я очень сомневаюсь, что вы долго продержитесь на этой работе, – отрезала дама. – Очень сомневаюсь, – повторила она. – Прекратите меня задерживать и откройте дверь.

Внезапно Антону все это надоело. "Да какого черта?". Он вежливо кивнул.

– Прошу вас, проходите.

Дама рассерженно фыркнула, всем своим видом говоря: "Так бы и давно!", и снова пошла напрямик на прозрачную преграду. Она уткнулась в дверь своей шляпой и стукнулась коленом. Антон с трудом подавил улыбку.

– Ай! – взвизгнула дама. – Что это за фокусы? Она же закрыта!

– Я это и пытаюсь вам объяснить, – миролюбиво сказал Антон.

Сергей, давась от смеха, спрятался за стойкой.

Лицо дамы стало медленно покрываться багровыми пятнами.

– Вы что, шутить со мной вздумали? Должна сказать, что вы выбрали крайне неудачный объект для насмешек! – ее шляпа сбилась набок, вместе с ней на сторону съехал и парик. Собачонка тявкнула. Дама, как могла, поправила одной рукой конструкцию на своей голове, развернулась и пошла к лифтам – широким шагом официантки в привокзальном ресторане... Кем она, возможно, и была когда-то.

Но на площадке перед лифтами ее ждал еще один, крайне неприятный сюрприз. Ни один из четырех лифтов не работал. Даже тот, который привез ее сюда менее, чем минуту назад.

Она зашипела, как старая облезшая кошка.

– Вы за это ответите!!

Антон подошел к ней и сделал несколько безрезультатных попыток вызвать лифт. Это начинало его настораживать. Пытаясь скрыть свою озабоченность, он повернулся к даме и обезоруживающе улыбнулся:

– А хотите кофе? У меня в термосе есть кофе. Понимаю, что Джози это вряд ли устроит...

Она любит сыр? У меня есть бутерброды с сыром.

Дама вдруг начала медленно оттаивать. Она помолчала, словно пытаясь сообразить, стоит ли отступать с занятых позиций, и неожиданно сменила гнев на милость.

– Джози не хочет есть... – она наклонилась к Антону и заговорщицки прошептала, – она хочет писать.

– О! – он широко развел руками. – Что может быть проще? Эта фауна Джози подойдет?

Он показал на зимний сад в дальнем углу вестибюля.

– Ну... Вообще-то, она очень воспитанная девочка... – начала дама.

– Даже самые воспитанные девочки могут немного пошалить, когда их никто не видит, – Антон поймал себя на мысли, что еще немного – и он подмигнет.

– Вы так считаете? – дама пыталась нащупать какой-то скрытый смысл... но физиономия охранника выглядела настолько простой и открытой...

– Весь мой жизненный опыт говорит об этом, – веско сказал Антон.

– Ну что ж... Пожалуй... Если двери не открываются... – дама пожала плечами.

– Мы никому не скажем.

Дама одарила его взглядом, на дне которого был легкий осадок благодарности, обернулась – на тот случай, нет ли вокруг свидетелей такого невиданного грехопадения – и направилась к зимнему саду.

Антон подошел к двери, ведущей на лестницу в подземный гараж; но еще до того, как он взялся за ручку, ему заранее был известен результат.

Дверь была закрыта.

Стараясь не выдавать своего волнения, он подошел к стойке.

– Серега! Сначала двери, потом – телефон, теперь – лифты. Что-то случилось. Вызывай по рации центральный пост.

* * *

В помещении центрального пульта повисла напряженная тишина. Петухов ждал, что произойдет дальше. Ведь что-то должно произойти? Не может это так продолжаться!

Он слышал только приглушенный треск помех, доносившийся из рации Ковалева.

"Ну же, Алексей Геннадьевич! Сделай хоть что-нибудь!"

Управляющий вынужден был признать, что сам он не в состоянии придумать что-нибудь дельное. Без компьютера он чувствовал себя, как без рук. В конце концов, он просто человек. Всего лишь человек. А Башня – это огромное совершенное здание нового типа. Первый и пока единственный в России "интеллектуальный дом", которым, как оказалось, управляет вовсе не он, Николай Петухов, а мощный и производительный сервер.

"Правда, он только что отдал электронному богу свою электронную душу. Так сказать, скоропостижно скончался".

Он задумался и, когда в наступившей тишине прозвучал уверенный голос Ковалева, вздрогнул от неожиданности.

– Внимание всем постам! Говорит Центральный. У нас – аварийная ситуация. Мы блокированы в пульте управления. Сервер вышел из строя. Ни внутренний, ни городской телефоны не работают. Приказываю. Первое – сохранять спокойствие. Второе – каждому проверить свои объекты. Все двери, лифты и так далее. Третье – всем, у кого при себе есть мобильные телефоны... Срочно связаться с силами МЧС и МВД, вызвать помощь. Четвертое – быть предельно осторожными. Обо всех посторонних, оказавшихся на территории Башни, обо всех непредвиденных и неординарных событиях докладывать мне немедленно.

Ковалев сделал паузу.

– И последнее. Кто находится на техническом этаже?

Молчание.

– Кто находится в непосредственной близости от пульта управления? Вы можете вытащить нас отсюда? Прием!

В рации снова послышался треск.

– Центральный, прием! Говорит четырнадцатый пост. Я нахожусь ближе всех – на лестнице. Но не могу войти. Двери не открываются...

– Центральный, я первый пост! Так точно, телефонная связь не работает. Лифты встали, входные двери заблокированы. На лестницу выйти не можем. Понял вас – вызываем по мобильному МЧС и милицию.

– Центральный, двенадцатый пост. Посторонних на территории не обнаружено. У нас тоже все двери закрыты.

Сообщения сыпались отовсюду – одно за другим. Все восемнадцать охранников, будто сговорившись, отмечали одно и тоже – двери закрыты. "Двери закрыты... ДВЕРИ ЗАКРЫТЫ!!". Складывалось такое впечатление, словно кто-то специально отрезал их друг от друга. Башня в один момент из идеально продуманной системы коридоров, холлов и лестниц превратилась во множество хитроумных ловушек, которые, как по команде, одновременно захлопнулись.

Ковалев достал из кармана платок и вытер лысину. Теперь оставалось только надеяться на помощь снаружи. Их откроют, обязательно откроют. Правда, он хорошо представлял себе, какими будут последствия. Наверняка количество желающих жить в Башне от этого не увеличится. Значит – скандал. Выговор и, возможно, увольнение...

Черт, да ладно! Это все потом, а сейчас нужно выбирать.

Он снова закашлялся – так сильно, что легкие грозили вывернуться наизнанку, как два полиэтиленовых пакета. Ковалев поднес платок к губам и опустил на колени; дым пока еще не успел осесть, поэтому рядом с полом дышать было легче.

Внезапно рация снова затрещала, и раздался срывающийся голос.

– Центральный! Я – шестой. Центральный! Это Рожков!

А вот это уже было плохо. Очень плохо. Ковалев еще не знал, что скажет подчиненный, но по его голосу сразу догадался, что дела на шестом посту обстоят хуже некуда.

– Центральный! На нижнем ярусе подземного гаража... Ай, блядство!

Грохот и оглушительный треск: непонятно, что это – статические помехи или что-то другое...

– Я... Черт возьми! – взвизгнул охранник.

Это слышали все. Ковалев не сомневался, что все восемнадцать человек охраны ловят сейчас каждый звук.

– Шестой, я центральный! Отставить панику! В чем дело?

– Центральный, прием! Нижний ярус...! Он проваливается! Здесь уже нет пола, одна огромная дыра! – в рации послышалось учащенное дыхание, словно охранник кричал на бегу. – Все машины... Опоры рушатся...

Треск усилился, и из рации донесся панический вой. Рожков, не таясь, орал изо всех сил.

– Да здесь просто пиз... – раздался удар – такой громкий, что Ковалеву пришлось убрать рацию от уха.

– Шестой! Шестой! Как слышите меня, прием!

Никто больше не отвечал. Ковалев повторил свой вызов, но все впустую. Он проглотил застрявший в горле комок и заставил себя говорить спокойно.

– Внимание всем постам! Я – Центральный. Срочно сообщить всем, кому только можете, о чрезвычайной ситуации в Башне! Подготовиться к эвакуации жильцов! Вести себя корректно и спокойно!

Из темноты выплыл каверзный вопрос. Рано или поздно он должен был выплыть.

– Центральный! На связи – тринадцатый! Как эвакуировать людей, если двери закрыты?

Петухову показалось, что он слышит хруст пластмассового корпуса рации. Ковалев молчал всего мгновение, а потом заорал:

– Не засорять эфир! Работать согласно полученным указаниям! Отбой!

Петухов стоял, боясь пошевелиться. Он отказывался верить своим ушам. "Если нижний ярус полностью провалился... Если подземного гаража больше нет...". Это означало только одно – Башня может рухнуть. "Хотя этого не может быть; фундамент у здания очень глубокий, в него залиты миллионы кубометров особо прочного бетона...". Ему показалось, что пол под ногами едва заметно задрожал. Эта дрожь была тихой, почти неуловимой, но управляющему показалось, что он чувствует ее.

Полковник сопел, чем-то шурша в темноте.

– А, вот она, чертовка! Нашел!

– Что такое, Алексей Геннадьевич?

– Иди сюда, – рявкнул Ковалев. – У тебя пока еще есть волосы?

Петухов подошел.

– Вытяни руку.

Управляющий протянул руку и почувствовал, как Ковалев вложил в нее несколько спичек.

– Слушай меня. Найди на голове сухое место – если ты еще не вспотел, как мышь... А я думаю, – в голосе старшего смены охраны послышалась угроза, – что ты должен вспотеть, парень... С этими своими гребаными компьютерами...

Петухов внезапно ощутил дурацкое чувство вины – так, словно это действительно он изобрел компьютеры, программы, мониторы и Интернет впридачу.

– Потри спички о волосы, – продолжал Ковалев, – потом присядь, натяни на заднице штаны и попытайся зажечь об них спичку. Понял?

– Да... Но я никогда...

– Не страшно, – перебил Ковалев. – Надо когда-нибудь начинать. Сейчас – самый подходящий случай. Ты не находишь?

Управляющий сделал все так, как велел Ковалев. Он потер спичечные головки об волосы, затем присел и резко чиркнул себя по бедру – там, где ткань брюк была натянута сильнее всего.

Ничего. Он чиркнул сильнее. Снова ничего. Он продолжал чиркать, прислушиваясь к тяжелому сопению Ковалева.

– Ладно, хрен с ним, – оборвал его полковник. – Давай по-другому.

Петухов почувствовал, как сильная рука схватила его за плечо и потащила к двери.

– Нашупай замок! – распорядился Ковалев.

Петухов пошарил по двери и нашел замок.

– Вот. Здесь... Что вы собираетесь делать?

Он услышал, как в двух шагах от него раздался металлический щелчок предохранителя; затем Ковалев передернул затвор.

– Что вы хотите сделать? – повторил он.

На мгновение в голову закралась страшная мысль: Ковалев сошел с ума и сейчас застрелит его.

– Ничего особенного. Как в фильмах – выбить его к чертовой матери. Нам надо добраться до резервного пульта, понял? Иначе двери не открыть.

– Ага, понял... Но как мы доберемся?

– Прижмись к стене и вытяни руку, но не отпускай замок. Ты слышишь меня?

Петухов похолодел. Кажется, до него начал помаленьку доходить замысел Ковалева. Он распластался по стене и вытянул руку как можно дальше.

– Теперь замолчи. Чтобы я не слышал, как твои зубы отбивают чечетку.

Распоряжения Ковалева были четкими и строгими. Петухов подумал, что, по крайней мере, в выборе старшего смены охраны Дубенский не ошибся.

– Успокоился, Коля?

Он успокоился. Настолько, насколько это было возможно. И все же Ковалеву пришлось повторить свой вопрос.

– Успокоился?

– Д-д-да...

– Теперь постучи по замку. Я хочу сориентироваться. Давай!

Петухов осторожно, словно металл замка был раскален докрасна, постучал по нему согнутым пальцем.

– Молодец! Давай еще раз. Трижды, а потом сразу убирай руку.

Петухов проглотил вязкую слюну.

– Алексей Геннадьевич...

– Заткнись! – прошипел на него полковник. – Можешь предложить что-нибудь получше?

Он говорил тихо, сквозь зубы, и Петухов понял, что он боится пошевелиться. Стоит в темноте с вытянутыми руками и не хочет сбивать найденный по слуху прицел.

– Стучи!

Ковалев трижды стукнул по замку, а потом быстро отдернул руку. Еще до того, как он успел прижать ее к груди, грянул выстрел.

* * *

По Симферопольскому шоссе неспешно катил человек на красном "ИЖ Планета-5".

Он выглядел несколько комично и... провинциально. Крупный мужчина лет тридцати, с открытым обветренным лицом; нос облупился от загара, у крыльев кожа слегка шелушилась. Мужчина был одет в кожаную куртку, явно перешитую из какого-то древнего одеяния: пальто или плаща. На спине красовалась надпись: "Ksteen".

Его звали Константин Бурцев, и он был спасателем из Серпухова; если точнее – старшим четвертого экипажа.

Шестнадцатого июля на шоссе Таруса – Калуга случилась какая-то странная заварушка. Что до него, то он со своим экипажем не видел ничего, кроме сгоревшего бензовоза. Да еще они подвозили какого-то странного мужика, такого же большого и краснолицего, как и сам Константин – Кстин. И больше ничего.

Однако уже семнадцатого, в его законный день отдыха, позвонил начальник и приказал срочно выехать в Москву. Его поездка была оформлена как служебная командировка, сроком на неделю.

Кстин не возражал; побывать в столице за казенный счет? Да кто же от этого откажется?

Он оседлал своего старенького "Ижачка" (в Серпухове Кстин слыл одним из "центровых" байкеров, а мужественная профессия только поднимала его авторитет) и отправился в Москву. Почти полдня ушло на то, чтобы найти указанный адрес – незаметный переулок в

районе Лубянки. Наверное, если бы он поехал на "Москвиче", доставшемся от отца (старик "четырееста двенадцатый" был еще крепок и уверенно стоял на всех четырех колесах), то не смог бы пересечь и Садовое кольцо.

За эти несколько часов он понял, что Москва не предназначена для того, чтобы ездить по ней на автомобиле, хотя глаза говорили обратное – тучи машин, как стаи разноцветных мух, метались от светофора к светофору; на первый взгляд, безо всякой видимой системы, но, приглядевшись, он понял, что у этой игры есть свои правила. Он мог их усвоить, но вряд ли смог бы по ним играть. Мотоцикл оказался наилучшим выходом; к тому же от раскаленного асфальта поднимался такой жар, что в "Москвиче" он чувствовал бы себя, как курица в духовке.

Столица в очередной раз поразила его четко спланированным безумием жизни огромного мегаполиса, и Кстин стал подумывать, что неделя – это, пожалуй, слишком много.

Как оказалось (да он так и подозревал с самого начала), вызывали его не в родное министерство, а в Контору. Найдя в маленьком переулке неприметное двухэтажное здание голубого цвета, Кстин на входе предъявил свои документы доброму молодцу со звездами прапорщика на плечах, тот снял телефонную трубку, доложил, и началось.

Три часа без единого перерыва он раз за разом рассказывал все, что знал. Вежливый молодой человек в белом халате и очках заинтересованно кивал, записывая каждое его слово, а потом говорил: "И все же, давайте вернемся к самому началу". И Кстин возвращался, думая, что рассказать больше нечего, но каждый раз всплывала какая-нибудь новая, упущенная им ранее, деталь.

Молодой человек радостно улыбался, словно получил в награду за свое усердие мороженое, и повторял: "Давайте еще раз вернемся к самому началу".

В конце концов Бурцев не выдержал и заявил, что, может быть, оставим что-нибудь на потом? Ведь впереди еще целая неделя?

Молодой человек согласился, снабдил его талонами на обед в ведомственной столовой и направлением в общежитие, после чего простился до завтра, хотя на следующий день была суббота, и Кстин планировал ознакомиться с Москвой. Его надежды не оправдались. Он приходил и в субботу, и в воскресенье, и в понедельник и так далее – вплоть до следующей субботы. Правда, он беседовал с молодым человеком с девяти утра до двух; остальное время было в его полном распоряжении. Исключением стала среда – человек в белом халате перенес их встречу на вторую половину дня.

Во вторник он познакомился с Мариной. Тогда же, во вторник, спустя пять минут после того, как он ее впервые увидел, Кстин понял, что влюбился. А в воскресенье – уехал. Уехал, как он думал, навсегда.

* * *

– Оставайтесь с нами, мы прервемся на блок рекламы.

Лицо мужчины выглядело сосредоточенным и одновременно – отрешенным; словно он знал гораздо больше, чем мог сообщить телезрителям.

На самом деле – обычная уловка ведущего еженедельной информационно-аналитической программы; собственно говоря, именно за это его и ценили – за умение делать умное лицо.

Некоторые коллеги на конкурирующих каналах умели говорить дрожащим, словно на грани эмоционального срыва, голосом; другие – вовсе эксплуатировали нарочитую бесстрастность; третьи умудрялись в коротком комментарии наделать столько оговорок, что под конец и сами забывали, что же они хотели сообщить, ну, а коньком Кирилла Истомина была фирменная недоговоренность.

Приблизительно это выглядело так.

Канал А. Ведущая, округлив от притворного ужаса глаза, готовая вот-вот сорваться на рыдания, сопровождаемые осторожным (чтобы не помять манжеты дорогой блузки) заламыванием рук, всхлипывала: "А дважды два..."... делала паузу, будто собираясь с духом... "ЧЕТЫРЕ!!!". Это звучало, как самая большая трагедия в ее жизни; впечатлительные старушки, сидевшие перед экраном телевизора, начинали утирать глаза и креститься.

Канал Б. Импозантный мужчина с благородной проседью и аккуратным зачесом, медленно выговаривая слова, произносил: "Дважды два – четыре". Делал он это сухим бесцветным тоном – зато ни у кого не возникало сомнений в его правоте. Собственно, их не возникло, даже если бы он сказал: "Пять". И даже если бы он, посмотрев бумаги, лежавшие на столе, поправился: "Простите. Четыре", все равно его авторитет остался бы непоколебим.

Канал В. Другой мужчина – круглолицый и румяный, глядит в камеру, не отрываясь; следит, кто из зрителей пошел к холодильнику, а кто – на минуту отлучился в туалет. "С учетом вышесказанного... Не хотелось бы повторяться, однако, я думаю, нам все-таки придется признать... Дважды два – это... Конечно, учитывая сложившуюся ситуацию в целом и некоторые частности, которых мы вскользь коснулись в нашем разговоре за последние тридцать минут... Так вот, подводя итог сегодняшней полемике, в которой вы могли участвовать благодаря интерактивности нашей передачи... И учитывая пожелания, поступившие от наших зрителей... Парадоксально, но складывается такое ощущение, что дважды два – это все-таки четыре..."

Канал Д. Кирилл Истомин. "По некоторым соображениям, о которых я предпочитаю умолчать; не потому, что опасаясь за себя лично, а потому, что я, как директор канала, несу моральную ответственность за судьбу всего журналистского коллектива... Но я все же должен сообщить, что дважды два – четыре...". Эффектная пауза, брови, взлетающие над тонкой оправой очков, характерное пережевывание пухлых губ, уголки рта опущены книзу, – словом, мина "не знаю-не знаю, так ли это на самом деле – вам решать... Вам с этим жить".

В этот момент редко кто из телезрителей не чувствовал себя последним идиотом и не бросался к калькулятору.

Штука в том, что сегодня Истомин чувствовал последним идиотом себя.

Режиссер увел на рекламу, отключив камеры и звук; по селекторной связи раздался его хриловатый голос: "Четыре с половиной минуты".

Гримерша подскочила к Истомину, быстро заткнула за воротник голубой сорочки бумажную салфетку, промокнула жирные пятна, выступившие на лбу и на носу, и стала обновлять тон.

Истомин размышлял над сообщением, переданным ему в наушник режиссером.

– Эй! – громко сказал он. – Так что же там происходит?

Ответом было молчание.

– Я хочу знать, стоит ли это вообще давать в эфир?

Голос режиссера из-за огромного стекла, отделявшего пульт от студии.

– Говорят, бригада из РТР выезжает на место. У них эфир через пятнадцать минут. Наверняка это пойдет среди новостей.

– Да?

Время передачи подходило к концу. Истомин прислушался к своему внутреннему голосу; к безошибочному чутью высокопрофессионального журналиста.

Стоила ли эта новость того, чтобы посылать на место съемочную группу? Но главным было даже не это. Он раздумывал, стоит ли ради этого продлевать передачу, сдвигая всю сетку вещания?

"Отчаянные сигналы бедствия, поступившие из Башни", – повторил про себя Истомин. Режиссер, естественно, сказал немного не так, но его мозг автоматически подыскивал красивые формулировки.

– В конце концов, – сказал он, зная, что громкая связь доносит каждое его слово до ушей режиссера, – сейчас лето... Никаких других горячих новостей нет...

Что-то подсказывало ему, что это было рейтинговой новостью. Именно тем, что так хотели увидеть телезрители. К тому же – что было особенно важным для телевидения – эта новость обещала красивую, напряженную "картинку".

– Кто дежурит? Назимов?

Он мог бы и не спрашивать. Истомин, помимо всего прочего, являлся генеральным директором канала, поэтому он прекрасно знал, чья бригада сегодня дежурит. Именно по этой причине он обладал несколько большей свободой, чем коллеги-конкуренты. Сейчас от его решения зависело очень многое. Но он все же колебался.

– Э-э-э... – он прикинул все в последний раз. Если новость окажется пустышкой, то никогда не поздно отозвать съемочную группу назад. – Назимову – на выезд! Сколько ему надо, чтобы добраться до места?

Он ожидал услышать что угодно: сорок минут, полчаса, двадцать минут, тридцать четыре секунды; услышать и отдать команду, сократив это время ровно наполовину, но слова, прозвучавшие по селекторной связи, заставили его подпрыгнуть на стуле.

– Кирилл... Кирилл! Говорят, мэр готовится выехать на место!

Режиссер сказал "говорят" – в студии полно лишних ушей, и не нужно раскрывать имя источника в ближайшем окружении мэра. Но если даже мэр...

Истомин почувствовал давно забытую дрожь в низу живота. Так было когда-то, когда он только начинал работу и был еще простым репортером, а не солидным ведущим еженедельной информационно-аналитической программы и, уж тем более, не генеральным директором канала.

– Машину – на выезд! – четко, по-военному, распорядился он. – Слава! – Истомин обратился к режиссеру. – А что РТР? Работают одной бригадой?

Конкурирующие телеканалы, боясь пропустить громкую, стреляющую новость, постоянно шпионили друг за другом.

– Кирилл, похоже, они отправляют две машины... – режиссер казался растерянным, но Истомин с лету ухватил суть. Если на место едет сам мэр, то новость того стоила. А может быть, стоила еще больше.

Истомин принял решение. Новости – они как пирожки – холодные никто уже не купит.

– Слава, поднимай в воздух вертолет!

– Мы не запрашивали разрешения...

– Сколько на это потребуется?

– Полчаса, не меньше. А если МЧС поднимет свой вертолет, то нам могут и не разрешить...

– Считай, что я этого не слышал. Через полчаса мне нужна картинка с вертолета. Не позже.

– Постараемся.

– Не постараемся, а сделаем.

– Хорошо, Кирилл... Александрович.

Когда-то они начинали вместе, и наедине режиссеру – Вячеславу Плотникову – и в голову не пришло бы называть Истомина по имени-отчеству, но субординация есть субординация; как-никак, генеральный директор канала.

– Значит, так. Назимову – пусть добудет "говорящую голову". Какую угодно – мне нужен краткий официальный комментарий. Идеальный вариант – если он пробьется к мэру. Работаем обычную программу. Потом – короткий рекламный блок, быстренько утрясаем то, что поступило, если ничего нет – одни мои комментарии. К тому времени вертолет должен начать давать картинку. Все ясно?

– Да.

– И вот еще что, – четыре с половиной минуты, отведенные под рекламный блок, быстро истекали, – вспомни – год или два назад мы давали рекламу этого дома. Было такое? Какие-то облака на сорок девятом этаже, орлиное гнездо и прочая мура... По-моему, рекламу делали немцы...

– Угу... Рекламу делали немцы... А дом строили турки. Лучше бы – наоборот, – угрюмо сказал режиссер.

– Пусть найдут эти ролики. Пригодятся – заполнять паузы. Когда мэр будет на месте?

– На дорогах – пробки, – фразой, растажиженной во множестве фильмов и телесериалов, отозвался режиссер.

– Он из этих пробок вылетает, как... пробка, – сомнительная шутка, но времени придумывать что-нибудь более остроумное не было. – Мэр в списке – первый. Пусть Назимов пробирается к нему. Мы должны уделать РТР, понимаешь?

Ну, это объяснять не требовалось. Девиз "мы должны уделать" – и длинный список; все существующие телеканалы в столбик – можно было вешать на каждой стене студии.

– Ты уверен, что это – не теракт? – последний вопрос; секундная стрелка, дергаясь, начала описывать пятую окружность.

– Кто же в этом может быть уверен?

– Хорошо.

Помощник режиссера начал последний отсчет. Камеры заработали; под потолком зажглось световое табло: "Прямой эфир!".

– Восемь, семь, шесть... – помощник умолк и стал выкидывать пальцы.

Гримерша отработанным движением сорвала салфетку и скрылась из поля зрения первой камеры.

Истомин снова придал лицу значительность. Выгнул дугой аккуратно выщипанную бровь, скупым и очень изящным – отработанным – жестом поправил очки.

– Э-э-э... Напоминаю, вы смотрите еженедельную информационно-аналитическую программу "Итоги". В завершающем блоке нашей передачи...

Шоу продолжалось.

* * *

Дубенский думал, что все произошло именно потому, что он забыл дома мобильный. Глупость, конечно. Ну, а если бы не забыл, и один из охранников успел передать ему сигнал тревоги, и он бросил бы свой гидроцикл на берегу Клязьминского водохранилища, запрыгнул в "Тойоту-Прадо" и примчался в Москву, к Башне, что бы это изменило? Ровным счетом ничего.

И все же этот день – последнее воскресенье июля – с тех пор для него был "днем, когда я сдуру забыл дома мобильный". Впрочем, из всех возможных определений это было самое мягкое – "день, когда он забыл дома мобильный".

В тридцать два года он был ничем не примечательным директором фирмы, торгующей мелким банковским оборудованием – небольшие сейфы, брезентовые мешки для денег, пломбы и прочая ерунда. Дела шли ни шатко ни валко: не в гору, но, слава Богу, и не под уклон. Наверное, он бы так и торговал своими железяками и руководил "дружным коллективом" из пяти человек еще черт знает сколько лет, если бы не Андрей Михайлович Мерзликин, старый знакомый отца.

Мерзликин владел строительным концерном "Север", возводившим дома бизнес-класса в самых респектабельных уголках столицы.

Пять лет назад они готовились к суперпроекту – строительству нового дома под названием "Гнездо орла" на берегу канала, недалеко от Серябряного Бора. Между собой все сотрудники "Севера" называли новый дом не иначе, как "Башня".

Да это и была Башня – самая настоящая, в пятьдесят девять этажей и высотой почти в триста метров.

Тогда же Мерзликин и разыскал его – через отца – и предложил стать главным управляющим Башни.

– Работа тяжелая, – говорил он, сверля Михаила буравчиками маленьких карих глаз. – Причем тяжелая – это очень мягко сказано.

Михаил вежливо улыбнулся и заверил Мерзликина, что он не боится никакой работы.

– Отлично. Ты сам понимаешь – то, что ты сын Исаака Наумовича, ничего не меняет. Буду требовать с тебя ровно столько, сколько и с других. И даже больше.

– Разумеется, – ответил Дубенский, показывая, что он все понимает. – В чем будут заключаться мои обязанности? Что я должен буду делать?

Мерзликин помедлил, сложил руки перед собой и посмотрел куда-то в сторону и вверх. Затем снова поймал переносицу Михаила на прицел своих буравчиков.

– Все. Абсолютно все, начиная с завтрашнего дня. Если бульдозерист напьется и не выйдет на работу – я спрошу с тебя. Если вовремя не подвезут бетон – я спрошу с тебя. Если риэлторы упустят потенциального покупателя – я спрошу с тебя. И так далее. Ты понял?

Дубенский кивнул, не раздумывая.

– О деньгах не беспокойся, – продолжал Мерзликин. – Работа собачья, но оплата – достойная. Согласен?

Босс не обманул его – ни в том, ни в другом.

Начиная с нулевого цикла и до сегодняшнего дня работа действительно была собачья, но оплата превосходила все ожидания и продолжала неуклонно расти.

Кроме него, было еще два дежурных управляющих, охранники и целый штат технического персонала, и все равно Дубенский никому не доверял: он проводил дни и ночи в своем детище – за центральным пультом на техническом этаже, между сорок девятым и пятидесятым.

За это время он свыкся с Башней, знал все ее ходы и закоулки и даже ловил себя на том, что относился к ней, как к живому существу.

Конечно, жена была недовольна, что он столько времени пропадает на работе, но Дубенский рассуждал, что жены вечно чем-то недовольны: не было бы этой причины, появилась бы другая, хотя он не мог не признать ее правоту – Башне он отдавал гораздо больше времени, нежели семье.

В это воскресенье он скрепя сердце прицепил к "Тойоте" прицеп с гидроциклом и отправился с семьей на Клязьминское водохранилище, как назло, забыв дома мобильный телефон.

Вдоволь накатавшись, он втянул лебедкой гидроцикл на прицеп, завел машину и поехал домой, предчувствуя что-то недоброе. Выехав на шоссе, он услышал сообщение по радио. Сообщение про Башню, которое заставило его вдавить акселератор в пол и не отпускать до самой Москвы. Прицеп болтался сзади и подпрыгивал на неровностях, угрожая вывалиться на щербатый асфальт несчастную "Ямаху", но Дубенский не обращал на это внимания – продолжал нестись вперед, распугивая нерасторопных водителей дальним светом фар и резким гудением клаксона. Он бессовестно залезал на встречную, краем глаза замечая, как бледнеет лицо жены, но она – следует отдать ей должное – не произнесла ни слова. Если бы его дом был не по пути к Башне, он бы сразу помчался туда, высадив по дороге жену и дочку, но, к счастью, Дубенский жил неподалеку, в нескольких кварталах от Башни. В гараже он отцепил прицеп, быстро поцеловал своих "девчонок" и, рассеянно махнув им на прощанье рукой, снова сел за руль.

Видок у него был еще тот – прямо скажем, пляжный видок – но времени на то, чтобы зайти домой и переодеться, уже не было. А зайти стоило – хотя бы для того, чтобы увидеть факс, раскалившийся почище утюга, и картинку, круглосуточно транслируемую на компьютер; по указанию Дубенского, его домашний РС был напрямую связан с центральным сервером Башни, и он продолжал выдавать различные данные: скорость ветра, угол наклона здания, силу натяжения поддерживающих конструкций, виды коридоров и этажей, информацию о состоянии лифтовых шахт и так далее и так далее. И, если бы он это увидел, то наверняка не поверил бы. А поверив, схватился бы за голову. Потому что этого просто не могло быть.

* * *

Проспект маршала Жукова был перекрыт милицейскими машинами. Первая линия оцепления стояла еще на дальних подступах – на бульваре генерала Карбышева.

Два огромных "Форда Кроун Виктория", напоминавшие хищных акул в динамовской раскраске, перегородили дорогу поперек. Инспекторы в кожаных куртках стояли угрюмые и молчаливые, как стражи у гробницы фараона. Проблесковые маячки метались красными и синими огнями на белых крышах машин.

Один инспектор, с погонами капитана, подбежал к машине и взял рацию:

– Да! Сорок третий слушает!

– К вам приближается машина мэра! Обеспечить беспрепятственное прохождение!

– Есть!

Он сел за руль и повернул ключ зажигания. По прямому, как стрела, проспекту, на огромной скорости неся черный лимузин и машины сопровождения. Оглушительно были сирены. Кортёж стремительно надвигался, и капитана передернуло при мысли, что, если двигатель вдруг не заведется? Успеют ли они затормозить? Или пройдут сквозь него, как нож сквозь масло?

Это была глупая, абсурдная мысль; водитель мэра мог бы пролетать под всеми мостами, стоящими на Москва-реке, на сверхзвуковом истребителе и на ходу почитать газетку, но отчего иногда в голову лезут такие идиотские мысли?

"Наверное, оттого, что иногда подобные вещи все же случаются", – подумал капитан и бросил быстрый взгляд вправо – туда, где в самом конце проспекта высилась Башня.

Двигатель ровно заурчал с первого же поворота ключа; капитан нажал на газ и отъехал вперед, становясь параллельно второй машине.

Он еще не успел закрыть дверь и вытянуться по стойке "смирно", как мимо него, не снижая скорости, пронесся черный лимузин.

Машина мэра прошла в считанных сантиметрах от багажника "Форда"; в грудь капитана ударила тугая струя воздуха.

Он с восхищением усмехнулся: "Фокусник! Ишь, что вытворяет! Такой, если потребуется, на своем чемодане и в метро спустится в час пик". На мгновение он привычно позавидовал водителю, но потом, рассудив, решил, что возить мэра – та еще работенка. Собачья.

Он сел за руль и отогнал машину на место. Проспект был снова надежно запечатан. В это время его коллеги перекрывали улицу генерала Глаголева и вытесняли любопытствующих с прилегающих улочек.

Башня была без малого триста метров; неподалеку от нее стояли жилые дома, и, если бы она рухнула... Даже думать об этом не хотелось.

Но, похоже, все шло именно к этому.

* * *

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ.

*...при анализе всех обстоятельств трагедии в Башне не может не броситься в глаза следующий факт: несмотря на то, что события развивались крайне стремительно, и, на первый взгляд, нелогично, вряд ли их можно объяснить простым совпадением. В противном случае придется признать, что количество этих совпадений превысило все мыслимые пределы, допустимые теорией вероятности. Видимо, случай с Башней полностью подтверждает теорию техногенных катастроф, разработанную специалистами Гарвардского университета (Hayes, Hirsh и соавт. 1999 год); первичный отказ техники запускает длинную цепочку более масштабных отказов; ситуация напоминает цепную ядерную реакцию, и прервать ее на каком-либо этапе невозможно. Равно как и невозможно предсказать, что произойдет в следующую минуту. Согласно теории, максимальное напряжение создается в *locus resistantia minoris* – месте наименьшего сопротивления. Основная же проблема заключается в том, что определить его можно лишь *post factum*: то есть, когда это уже поздно, и представляет только академический интерес...*

* * *

Георгий Крымов проснулся в тот день в восьмом часу вечера.

Несколько секунд он лежал на кровати, пытаясь сообразить, где находится. В последнее время он довольно часто не мог с ходу определить свое положение в пространстве и времени.

Он попытался открыть глаза, но между веками будто кто-то налил густой вязкий клей. Глаза гноились. Это продолжалось уже вторую неделю, и он ничего не мог с этим поделать, разве только – носить темные очки.

Знакомый доктор – из тех, что не на каждого пациента заводят историю болезни – сказал ему, что баловство с порошком пора заканчивать. Его организм, и от природы-то не слишком могучий, был подорван многолетней непрекращающейся пьянкой, нескончаемым вихрем ночных удовольствий и старательно рекламировавшейся чередой сексуальных подвигов, три четверти из которых на поверку оказывались придуманными, а остальные – никак не попадали под определение "подвига". Впрочем, ему довольно ловко удавалось поддерживать репутацию отчаянного повесы.

Наконец он с трудом разлепил тяжелые, словно на них лежали мешки с цементом, веки и огляделся. Он был дома. В своей квартире в Башне.

Мода на Башню возникла стремительно, будто взялась ниоткуда. Здание еще только вылезло из котлована и стало быстро, этаж за этажом, тянуться вверх. Тогда в столичной тусовке поползли слухи. Вроде бы никто не заявлял об этом в открытую, но в разговоре, мимоходом, каждый персонаж, считавший свою принадлежность к "высшему свету" делом давно доказанным, давал понять, что он уже купил в новом доме квартиру. Рядом с облачком.

Так ли это было на самом деле, никто точно не знал. Крымов поймал себя на мысли, что жизнь столичной тусовки меньше всего напоминает жизнь; скорее – одну бесконечную пиар-акцию: кто с кем спит, кто с кем развелся, кто что купил и кто чем удивил... Это так. Он сам провел сотни подобных акций: для различных банков, компаний, загородных клубов и ресторанов... Собственно, за это ему и платили: за умение раздуть из навозной мухи розового

слона. Больше всех платили политики, пытающиеся привлечь внимание к своей особе. Или – наоборот; отвлечь чересчур пристальное внимание от каких-то неблагоприятных поступков и грешков кооператорско-бандитской молодости.

Платили потому, что он был лучшим; Крымов, как никто другой, умел нарядить всех в белые одежды и sprysнуть сентиментально-романтическим одеколоном. Не то, чтобы он любил свою работу... Просто она у него хорошо получалась.

В какой-то момент он вдруг понял, что не знает, куда уходят деньги. Они убегали, как вода – в жадный раскаленный песок. Они вылетали в трубу. Точнее – в ноздри. Легкой белой дымкой. И это волновало его – но пока не слишком сильно; Крымов считал, что остановиться так же легко, как закрыть кран в ванной.

"Какого черта? Завтра же брошу. Нет, не завтра. С нового месяца".

В конце концов он решил, что в сорок лет обязательно начнет новую жизнь. Ровно в сорок. Под бой курантов.

По случаю своего сорокалетия он закатил громкую вечеринку, а когда сумел наконец проснуться, то обнаружил, что не помнит ничего, кроме белой дымки, висевшей в воздухе модного закрытого клуба.

"Ну ладно, чего я так убиваюсь? День рожденья – только раз в году...".

Он с ужасом вспомнил, что к нему действительно прилетал волшебник в голубом вертолете и бесплатно показывал кино.

Георгий потерял виски, пытаясь сообразить, что было в реальности, а что – в реальности, порожденной белой дымкой.

Ему потребовалось не меньше четверти часа, чтобы осознать, что все это было частью его же собственного сценария; под песенку про Чебурашку появлялся голубой вертолет... И что-то там еще... Как-то он обыгрывал то, что вертолет – голубой, и волшебник, соответственно, был приблизительно такого же цвета.

После дня рождения ничего не изменилось. Все продолжалось по-прежнему. Он уже отказался от своей затеи – купить квартиру в Башне (на это не было денег), когда люди из концерна "Север" сами вышли на него.

Им требовалась мощная, стреляющая реклама. Крымов тогда еще был на излете своей популярности, но, конечно же, не знал об этом. Нет, он видел, что все покатило куда-то вниз, по наклонной, но думал, что падение это затянется надолго; ведь он набрал такую высоту...

Телевизионные ролики и рекламные акции концерна "Север" оказались его последней большой работой.

Ролики снимали в Германии; с ним поехал будущий главный управляющий Башней – Михаил Дубенский. Мерзликин объяснил – для "общего руководства", но, как впоследствии понял Крымов – для того, чтобы контролировать его, поскольку сам он уже не мог это делать.

И расплатились с ним квартирой. Стоило Крымову заикнуться, что он бы тоже хотел... "Обнимать небо крепкими руками"... Как Мерзликин моментально ухватился за эту мысль и предложил ему хорошую двухкомнатную квартиру на девятом этаже. Наверное, Крымов бы еще подумал, что предпочесть в такой ситуации – деньги или квартиру, но скидки... Они выглядели так соблазнительно. Георгий быстро прикинул в уме, сколько он сможет выручить, если перепродаст квартиру... И согласился.

Он пошарил рукой, пытаясь нащупать покрывало, чтобы откинуть его в сторону, и увидел, что покрывала нет. Оно валялось на полу.

"О Боже!". Он медленно перекатился на край широкой, как палуба авианосца, кровати, и сел, спустив ноги на пол.

– Посмотрите на этого подонка и мерзавца, – громко сказал он, опасаясь смотреть в зеркало. – Вот он – самый большой неудачник в этой гребаной Башне! Еще немного, и я стану подавать объявления в газету "Из рук в руки": "Тамада. Проведение свадеб, юбилеев и прочих

торжественных мероприятий. Умеет петь, плясать и играть на аккордеоне". Тьфу! – он поморщился и сделал вид, что сплевывает от отвращения; но слюны в пересохшем рту не было.

Он заставил себя встать и подойти к большому, во всю стену, зеркалу. Нахмурил брови и сказал, тыча в отражение пальцем:

– Ты мудак, Жора! И на конкурсе мудаков занял бы второе место!

Затем растянул губы в приторной улыбке и зачастил – высоким удивленным голосом:

– Да? А почему второе?

Снова нахмурил брови и ткнул в отражение:

– Да потому что мудак!

С привычным утренним самобичеванием было покончено. Как он считал, это – своего рода психотерапия: мол, да, я соображаю, что делаю что-то не так... Я же вижу, что не такой уж я и хороший... То есть – отношусь к себе критически. Да что там критически? Я просто недоволен собой, очень недоволен. Ну, и если уж я все понимаю, может, я заслужил немного белого порошка?

Заслужил. Он поплелся в ванную комнату; там, в зеркальном шкафчике, в пластиковом тюбике из-под витаминов, подаренных счастливому человечеству двукратным Нобелевским лауреатом Лайнусом Полингом, было немного белой дымки. Это казалось ему удачной шуткой – признаком того, что он не окончательно утратил чувство юмора.

Проходя мимо окна, выходящего на проспект маршала Жукова, Крымов развернулся и (это была еще одна привычка – "не возьмете!") выставил средние пальцы – его маленькое обращение к миру.

То, что он увидел, заставило его на секунду забыть о том, куда он направлялся. Рядом с въездными воротами стояли два белых автомобиля с синими полосами на борту. Немного вдалеке от них – шумная (хотя звуки с улицы не могли долететь до него, но он видел, что шумная) толпа; пока еще малочисленная.

– Что за праздник? – заплетающимся языком сказал он и положил ладони на окно. На стекле остались два мокрых жирных отпечатка. – Не понимаю, что случилось?

Он увидел, как спасатели вытаскивают из машин свои инструменты...

– Какими они обычно вырезают трупы из разбившихся машин, – пробормотал Крымов. В подземном гараже стоял его джип – "Мерседес-ML350" и мотоцикл – мощный двухлитровый "Кавасаки-Вулкан". На мотоцикле он давно уже не ездил. Точнее, запрещал себе ездить. В те минуты, когда его мозги еще не были припудрены порошком, он прятал ключи с брелоком, в который был вшит иммобилайзер, куда подальше, а когда наступало время белой дымки, не мог вспомнить, куда именно. К счастью, не мог. "Кстати, где они сейчас – ума не приложу".

...и несут их к закрытым воротам. Затем один из спасателей перелез через ограду...

– Ребята, почему бы вам не войти через калитку, как это обычно делается? А?

...а другой подает ему тяжелые гидравлические ножницы...

– Что происходит? Пионерская игра "Зарница"? И за кого я буду играть? За красных или за синих?

Крымов потер лицо ладонями, стряхивая дремоту, но она, словно липкий деготь, никуда не хотела убраться.

"Надо умыться", – решил он. "Все равно по пути. Кажется, это тоже делают в ванной".

Шаркая ногами, как старик, он поплелся в ванную.

Георгий нажал выключатель; в стенах и потолке ванной комнаты засветились разноцветные панели. Это была его идея – "о кей, я же еще и великий дизайнер интерьеров!" – разместить светильники внутри стен.

Он подошел к раковине и посмотрел на себя в зеркало. Длинные волосы с некоторых пор стали редеть; никакие шампуни, бальзамы и притирания не помогали – белая дымка была сильнее. На лбу появились огромные залысины – чтобы как-то уравновесить открытое простран-

ство лица, он отрастил небольшую бородку клинышком. Мефистофельскую бородку – "я ведь еще и имиджмейкер!". Оставалось только заказать изящную трость черного дерева с серебряными насечками и набалдашником в виде головы пуделя – чтобы окончательно вжиться в образ.

"Продиктованный белой дымкой...".

– Ай, да ладно! Хватит! На сегодня я уже достаточно покаялся...

Он включил воду и поставил сложенные ладони под шумную пенящуюся струю. Наклонился и увидел, что в раковину упали две крупные капли темной крови.

"Чертов док! Не может вылечить мой нос!".

Он подумал, что зря ругается на доктора – трудно вылечить нос, через который пролетает белая дымка.

"Да хрен с ним!" – Георгий зажал ноздри указательным и большим пальцем и потянулся к шкафчику за ватными тампонами; уже целый месяц они лежали наготове.

"Идиотство какое-то! Ни умыться, ни нюхнуть!".

Он заткнул ватой нос и решил пойти немного полежать, пока кровотечение не остановится. Крымов протянул руку к крану и закрыл воду.

Странно, но шум бегущей воды не стал тише. Наоборот, он только усилился.

"Здравствуйте! У меня уже глюки! Нет, пора завязывать. Со следующего месяца...".

Для верности он снова открыл кран – может, ему только показалось, что он его закрывал? В раковину ударила тугая струя, подхватила темные капли, и вода окрасилась в нежно-розовый цвет. Георгий дождался, пока розовая вода уйдет в сток, и потом снова закрыл кран.

Шум воды не исчез.

"Может, я совсем уже идиот?" – он подошел к душевой кабине и открыл дверцу. Нет, из душа вода не лилась.

"Тогда откуда?". Он остановился, размышляя, не повторить ли ему процедуру с краном. На обдумывание этой мысли у него ушло не менее минуты. Он просто чувствовал, что время шло, а голова не соображала – мыслей в ней было не больше, чем в мягкой пуховой подушке.

"Надо полежать, и все пройдет", – кратковременные подъемы давления тоже стали привычным делом; они появились даже раньше, чем начали пропадать волосы.

Крымов открыл дверь ванной комнаты, и шум усилился. Лужица, быстро увеличиваясь, подбиралась к его босым ногам.

– Что такое? – он сделал несколько шагов по просторному холлу и угодил под проливной холодный дождь.

Закрыв лицо рукой, как козырьком, Георгий посмотрел на потолок.

Спринклеры автоматической системы пожаротушения работали на полную мощность.

– Эй! – он испугался.

Крымов побежал в спальню и увидел, что вся кровать уже мокрая – из четырех спринклеров била вода, расходясь во все стороны ломкими блестящими конусами.

Он бросился на кухню, оттуда – в другую комнату. Везде было то же самое – потоки воды, льющейся с потолка.

Крымов подбежал к телефону и набрал "0" – вызов технического этажа. Телефон молчал.

– Да что же это такое?

То, что происходило с ним, казалось немного забавным. Словно бы он перебрал белой дымки, вот только... Вода была слишком мокрая, как и полагается быть воде – в обычной реальности, а не в реальности, порожденной порошком.

"Что в таких случаях делают? Кричат – позовите сантехника? Или – пожарного?".

Он бросился к выходу, повернул рукоятку замка и потянул дверь.

И почувствовал, что ноги не держат его. Георгий медленно осел на пол, прислонившись спиной к дверному косяку.

Дверь не открывалась.

В голове промелькнули фразы (удивительно, как они смогли сохраниться в мозгах, сморщенных, как сердцевина грецкого ореха), сказанные когда-то Дубенским.

"В Башне – идеальная шумо-, звуко-, гидро- и даже аэроизоляция. Все двери подогнаны плотно, окна герметичны. Вам не нужно будет ни о чем заботиться – всю погоду в квартире сделает кондиционер. Вам только останется задать требуемую температуру и влажность. При желании вы можете выбрать один из четырех стандартных запахов: хвойного леса, моря, солнечного луга или – горный воздух. Мы хотим, чтобы каждый жилец почувствовал в Башне недостижимую прежде степень комфорта. В конце концов, разве не к этому стремится любой нормальный человек – к максимальному комфорту?"

Крымов заплакал. Слезы катились по щекам, смешиваясь со струями воды.

– А рыбок у вас, случайно, нет? И каких-нибудь веселеньких водорослей? Потому что моя квартира потихоньку превращается в аквариум. А я, – он всхлипнул, – не умею дышать под водой. И плавать одному мне здесь неохота...

* * *

– Мы увидимся с вами после короткого блока рекламы, – Истомин снова поправил очки.

Изящные очки в тонкой оправе – удачная находка имиджмейкеров. Зрение у него было почти стопроцентное, но разве в этом дело? Пожалуй, он был самый стильный очкарик на всем телевидении – именно потому, что очки ему были не нужны. Точнее, нужны только для того, чтобы элегантно их поправлять.

На экране возникла заставка, потом восхитительная блондинка поведала, как новые прокладки изменили ее жизнь к лучшему.

– Ну что, есть что-нибудь? – нетерпеливо спросил Истомин.

Гримерша, без суеты и спешки, выполняла свой привычный ритуал.

По селекторной связи раздался голос режиссера.

– Назимов готов дать комментарий. Мэр уже приехал, но пока никаких заявлений не делает; его пресс-секретарь говорит, что они еще не разобрались в ситуации.

– Что скажет Назимов?

– "Манную кашу". Ничего – в общих чертах.

– Что РТР?

В комнате, где размещался режиссерский пульт, стояло несколько мониторов, по которым транслировались передачи других каналов.

– То же самое, но они ее усиленно размазывают по всей тарелке. Передача идет по плану, с перерывами на прямые включения. Одна камера работает снизу, дает общий план, а вторую они поставили на одну из близлежащих девятиэтажек; пока не можем понять, где именно.

– Ясно. Значит, у них две машины? А где наш вертолет?

– Подлетает.

– Он успеет?

– Надеюсь.

– Ладно, с Богом!

Этот рекламный блок был короче, чем обычно; несколько роликов сместили "на потом" – впрочем, канал всегда исправно выполнял свои обязательства перед рекламодателями.

Гримерша быстро поправила щеткой волосы Истомина, придав им слегка взлохмаченный вид; это скрывало некую дородность ведущего; идеальный пробор только подчеркнул бы несколько обрюзгшие черты лица. Она сорвала очередную салфетку и скрылась.

Последний рекламный ролик подошел к концу; человек в белом халате стремился развить комплекс неполноценности у всех, кто не жует "Орбит" без сахара. На заднем плане нена-

вязчиво мелькало стоматологическое оборудование; у любого нормального человека (кроме самих стоматологов) оно вызывало ужас; наверное, то же самое чувствовал Галилей, когда ему, предлагая отречься от безумных заявлений насчет того, что Земля вертится, показывали камеру пыток. "Испанский сапожок, изволите ли видеть... Есть все размеры. А вот – дыба; превосходное средство от артрита... Нет, нет, мы не запугиваем. Это – так сказать, ознакомительная экскурсия... Возьмите свои слова назад и... жуйте "Орбит" без сахара. Поверьте, так будет лучше для всех".

Пошла зеленая заставка. Истомин глубоко вдохнул и выдохнул.

– Э-э-э... В последнем, заключительном блоке нашей передачи мы хотели показать главное событие уходящей недели; а именно – ситуацию вокруг многоэтажного дома, известного под названием "Гнездо орла". В прямом эфире с места событий – наш корреспондент Алексей Назимов.

Истомин сел вполоборота.

– Алексей!

Молодой человек с пышным начесом, скрывающим раннюю лысину, прижал руку к уху, кивнул и поднял микрофон ко рту.

– Кирилл! Я нахожусь на проспекте маршала Жукова. Территория, прилегающая непосредственно к дому, или, как его все называют, Башне, оцеплена силами милиции и МЧС.

Назимов повернулся, и оператор взял Башню общим планом.

– Как нам стало известно, примерно полчаса назад на пульт штаба МЧС Москвы поступило сразу несколько сообщений от охранников Башни. По их словам, в здании – аварийная ситуация, и, судя по всему, обстановка становится сложнее с каждой минутой. По сведениям, которыми мы располагаем на данный момент, главный сервер – электронный мозг Башни – внезапно вышел из строя. Кроме того – эти сведения пока не проверены – в здании произошло обрушение одного из ярусов подземного гаража...

– Алексей! – перебил его Истомин.

Корреспондент осекся; он, прислушиваясь, снова поднес руку к уху и поправлял наушник.

– Да, Кирилл?

– Сколько жильцов находится в здании? – надо было добавить в сюжет немного остроты; технические особенности мало кого интересовали; главное – люди.

– Их гораздо меньше, чем обычно. Лето – пора отпусков, к тому же сегодня – воскресенье...

– Понятно. И все же – по приблизительным оценкам, сколько жильцов сейчас может находиться в Башне?

– А-а-а... Точных сведений, естественно, нет, но, думаю, около двухсот человек, включая обслуживающий персонал и охрану.

Истомин задумчиво покивал.

– Двести человек... Скажите, были предприняты какие-то меры? Может быть, решение об эвакуации людей – до тех пор, пока ситуация не прояснится?

– Да, Кирилл, – оживился Назимов. – Это очень важный момент, я как раз собирался об этом сказать... Дежурный по штабу МЧС распорядился начать экстренную эвакуацию, но мы пока не видели ни одного человека, вышедшего из здания. Я не знаю, чем это объяснить; связь с Башней нарушена; коммуникации не работают. Видимо, мы имеем дело с масштабным отказом техники, но, надеюсь, ситуация прояснится в самом ближайшем времени, и мы сможем сообщить вам о происходящем.

– Спасибо, Алексей, – Истомин повернулся к камере. – Как видите, мы живем в очень хрупком мире. Научно-технический прогресс имеет свою оборотную сторону. Крупные техногенные катастрофы – это, к сожалению, неизбежная примета нашего бурного века. Я надеюсь,

что все закончится благополучно – в самом скором будущем. Оставайтесь с нами, мы будем вести прямые включения с места событий.

За этим последовал еще один короткий рекламный блок; режиссер сообщил Истомину в наушник, что вертолет находится в прямой видимости Башни; оператор, сидевший на борту, просил несколько минут.

Истомин откинулся на спинку удобного стула, размышляя: почему до сих пор не эвакуировали людей? Ведь должна быть какая-то причина. Веская причина. Что случилось?

* * *

Был теплый летний вечер. Одноцилиндровый двухтактный движок бодро тарахтел, и Кстин чувствовал, что снова становится байкером – по мере того, как приближался к родному городу.

В Москве он байкером не был – потому что его "Ижачок" не был байком. Техника, достойно выглядевшая в Серпухове, в Москве смотрелась... Как бы это сказать? Если откровенно – то убого, но Кстин не мог даже мысленно произнести это слово; уж слишком жестоко это было бы по отношению к верному и безотказному мотоциклу.

Он чувствовал себя так, словно с любимой дворняжкой попал на выставку породистых собак; им – медали, а ему – короткие презрительные взгляды. Столица подавляла; она заставляла разевать рот и смотреть с глупой улыбкой по сторонам; за пределами кольцевой автодороги Россия заканчивалась, и начиналась – Москва.

Этот переход был настолько резким, что Кстину стало не по себе.

Он ощущал свою ущербность, но не хотел в ней признаваться. Гордость.

У него была какая-то жизнь, она худо-бедно складывалась – как он считал, в его пользу – но в Москве он почувствовал себя никем и даже ничем; огромный город словно прошелся по нему громадами своих многоэтажек, не оставив даже мокрого пятна.

Он ужасно хотел вписаться в столичный ландшафт, стать его частью; но понимал, что смотрится, как печная труба на крыше шестисотого "Мерседеса". И его это злило.

* * *

Во вторник, расставшись со своим любезным мучителем в белом халате, он поехал просто так – бесцельно. Точнее, сначала он хотел увидеть Останкинскую башню. Телевизионная игла была видна отовсюду, но примерно через полтора часа поисков у него сложилось впечатление, что она стоит на линии горизонта; сколько бы он к ней ни приближался, она деликатно отодвигалась назад. Окончательно запутавшись, Кстин остановился и купил в ларьке бутылку "Кока-колы".

"Мне необходима глюкоза, иначе через пять минут я забуду, как меня зовут". Он выпил бутылку за один раз; шипучие пузырьки ударили в нос; он воровато огляделся и тихо рыгнул. Затем завел мотоцикл и поехал по какой-то улице. И... Наконец-то он почувствовал себя в своей тарелке – впереди стояла "десятка" со спущенным задним колесом, и невысокая женщина рядом с ней призывно поднимала руку. Кстин прибавил газу, но в следующее мгновение понял, что мог бы и не торопиться – почему-то никто не спешил помочь.

Он подъехал, заглушил двигатель, поставил мотоцикл на подножку и улыбнулся, получив в ответ недоверчивый взгляд.

– Давайте я вам помогу! – предложил Кстин.

Из машины вылез мальчик лет одиннадцати-двенадцати, очень похожий на женщину, и встал рядом с матерью.

Это было первой московской загадкой. В этом возрасте он сам просил у отца разрешения открутить какую-нибудь гайку, но мальчик, видимо, ни разу не держал в руках гаечного ключа. Кстин решил оставить свои замечания при себе.

Женщина еще раз осмотрела его – с головы до ног – и открыла багажник.

– Вот ключи и домкрат.

Он посмотрел на колесо и увидел, что один из болтов – с "секретом".

– А где у вас... такая штучка? "Секретка"? – спросил Кстин.

Первым порывом женщины было направиться к машине, она даже сделала пару шагов, но тут же остановилась.

– Валера! – сказала она. – Достань из бардачка "секретку", пожалуйста.

Это было второй московской загадкой.

Может, она не хотела оставлять его наедине с открытым багажником? Кстин украдкой осмотрел себя и понял, что выглядит он не очень-то солидно. Женщина же напротив, была воплощением элегантности. Вроде бы на ней были надеты простые вещи, но почему-то Кстин сразу понял, что они очень дорогие. До сих пор для него верхом шика были длинные платья из ткани, напоминавшей портьеру; такие платья продавались на серпуховском вещевом рынке.

Было жарко, и он подумал снять куртку, но под ней была более чем затрапезная футболка, и Кстин остался париться в своей знаменитой "кожанке", которую сам перешивал из отцовского старого пальто.

Он быстро ослабил болты, потом поднял машину на домкрат. Снял пробитое колесо и полез за запаской. Болты оказались слегка ржавыми; он подошел к мотоциклу, достал из отделения для ключей маленький тюбик с "Литолом" и быстро их смазал, после чего поставил запаску.

Вся операция заняла не больше трех минут, и он даже пожалел, что управился так быстро.

– Меня зовут Константин, а вас?

– Марина, – ему показалось, что женщина ответила с некоторой неохотой.

– У вас есть запасная камера? Хотите, я быстро поменяю?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.